

ДИСКУРСЫ ЭТИКИ
Выпуск 1(29), 2026

Санкт-Петербургское
философское общество

Санкт-Петербург
2026

DISCOURSES OF ETHICS
Issue 1(29), 2026

St. Petersburg Philosophical Society

Saint Petersburg
2026

Дискурсы этики

Выпуск 1(29), 2026

УДК 17
ББК 87.7
Д48

ISSN (Печатный): 2306-9430
ISSN (Онлайн): 2311-570X

Постоянная ссылка:

http://theoreticalappliedethics.org/archive/2026_1_29/

Научное издание «Дискурсы этики» является рецензируемым академическим ежеквартальным журналом, посвященным актуальным вопросам теории и истории этики, а также современным проблемам прикладной этики.

Цель журнала: стимулировать активную дискуссию об истории этического знания и тенденциях в рамках этических дисциплин, общественной морали, отношении этики и права, вопросах ценностей и перспективах развития этико-гуманитарных направлений в современном российском и международном контексте.

Выходит 4 раза в год.

Редколлегия:

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д.5,

ауд.104а. Тел.: +7(812)328-94-21 (1843)

e-mail: theoretical.applied.ethics.spbu@gmail.com

<http://theoreticalappliedethics.org/>

© Коллектив авторов, 2026

© Санкт-Петербургское философское общество, 2026

Discourses of Ethics

Issue 1(29), 2026

ISSN (Print): 2306-9430

ISSN (Online): 2311-570X

Permanent link:

http://theoreticalappliedethics.org/archive/2026_1_29/

«Discourses of Ethics» is a peer-reviewed quarterly published academic journal that focuses on topical issues of theoretical and applied ethics.

Mission and scope:

- To provide a platform for research in ethics;
- To reintegrate the ethical community;
- To promote a dialogue in the academic community of moral philosophers;
- To ensure the availability of knowledge, educational technologies and high educational standards for students.

The journal presents the most diverse ethical issues: from bioethics to professional ethics, from the history of ethics to the recent ethical studies.

Editorial office:

5 Mendeleevskaya liniya, office 104a, Saint Petersburg, 199034, Russia.

Phone: +7(812)328-94-21 (1843)

e-mail: theoretical.applied.ethics.spbu@gmail.com

<http://theoreticalappliedethics.org/>

© Authors, 2026

© St. Petersburg Philosophical Society, 2026

Главный редактор

Вадим Юрьевич Перов, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой этики, Санкт-Петербургский государственный университет

Международный редакционный совет

Георгий Петрович Артёмов, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; *Александр Иосифович Бродский*, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; *Лешек Колчух*, Ph.D., Sc.D., профессор, Университет Марии Склодовской-Кюри, Люблин, Польша; *Александр Сергеевич Лаптенко*, доктор философских наук, профессор, Белорусский государственный экономический университет, Минск, Республика Беларусь; *Эрвин Ленгауэр*, Ph.D., Венский университет, Вена, Австрия; *Шунцо Маджима*, Ph.D., профессор, Университет Хоккайдо, Япония; *Гинтаутас Мажейкис*, Ph.D., Dr.habil., профессор, Университет Витаутаса Великого, Каунас, Литва; *Альберто Пирни*, Ph.D., Высшая школа Св.Анны, Пиза, Италия; *Златица Плашиенкова*, доктор философии, профессор, Университет им.Я.А.Коменского, Братислава, Словакия; *Александр Владимирович Разин*, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова; *Предраг Чичовачки*, Ph.D., профессор, Колледж Холи Кросс, Вустер, США; *Александр Анатольевич Шевченко*, доктор философских наук, старший научный сотрудник отдела философии Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук

Редакционная коллегия

Татьяна Юрьевна Барташевич, кандидат философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет; *Дмитрий Алексеевич Гусев*, Санкт-Петербургское философское общество; *Евгений Викторович Держивицкий*, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; *Татьяна Викторовна Ковалева*, кандидат философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет; *Игорь Юрьевич Ларионов*, кандидат философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет; *Елена Анатольевна Овчинникова*, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; *Нина Вадимовна Перова*, Институт философии РАН, *Андрей Михайлович Положенцев*, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Сотрудники редакции

Глебова Софья Валерьевна, ответственный секретарь
Васильев Андрей Витальевич, *Климова Анисия Евгеньевна*,
Макарова Надежда Павловна

Editor-in-Chief

Vadim Yu. Perov, Candidate of Science in Philosophy, Docent, head of the Department of Ethic, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

International Advisory Board

Georgiy P. Artyomov, Doctor of Science in Philosophy, Professor, Saint Petersburg State University, Russia; *Alexander I. Brodsky*, Doctor of Science in Philosophy, Professor, Saint Petersburg State University, Russia; *Leszek S. Kopciuch*, PhD, DSc, Professor, Maria Curie-Skłodowska University in Lublin, Poland; *Aleksandr S. Laptenok*, Doctor of Science in Philosophy, Professor, Belarus State Economic University, Minsk, Belarus; *Erwin Lengauer*, Ph.D., University of Vienna, Austria; *Shunzo Majima*, Ph.D., Professor, Hokkaido University, Japan; *Gintautas Mazeikis*, Ph.D., Dr. habil., Professor, Vytautas Magnus University, Lithuania; *Alberto E.E. Pimi*, Ph.D., Sant'Anna School for Advanced Studies, Pisa, Italy; *Zlatica Plašienková*, philosophiae doctor, Professor, Comenius University in Bratislava, Slovakia; *Aleksandr V. Razin*, Doctor of Science in Philosophy, Professor, Moscow State University, Russia; *Predrag Cicovacki*, Ph.D., Professor, College of the Holy Cross, USA; *Aleksandr A. Shevchenko*, Doctor of Science in Philosophy, Institute for Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Editorial Board

Tatiana Yu. Bartashevich, Candidate of Science in Philosophy, Docent, Saint Petersburg State University; *Dmitriy A. Gusev*, St. Petersburg Philosophical Society; *Evgenij V. Derzhivitskij*, Candidate of Science in Philosophy, Docent, Saint Petersburg State University; *Tatiana V. Kovaleva*, Candidate of Science in Philosophy, Docent, Saint Petersburg State University; *Igor Yu. Larionov*, Candidate of Science in Philosophy, Docent, Saint Petersburg State University; *Elena A. Ovchinnikova*, Candidate of Science in Philosophy, Docent, Saint Petersburg State University; *Nina V. Perova*, RAS Institute of Philosophy; *Andrey M. Polozhentsev*, Candidate of Science in Philosophy, Docent, Saint Petersburg State University

Editorial Team

Sofia V. Glebova, Assistant Editor
Andrei V. Vasilev, *Anisia E. Klimova*, *Nadezhda P. Makarova*

СОДЕРЖАНИЕ

История этики

Новый портрет врача Томаса Персиваля: синтез медицинского и философского знания Нового времени <i>Глебова С. В., Перова Н. В.</i>	11
---	----

Прикладная этика

Constitutional Reforms in Slovakia: The Ethical Role of the President of the Republic <i>Tavi Leila</i>	35
---	----

Отношение к животным в стоицизме и буддизме: решение этических вопросов и ответственность за животных <i>Серянова В. А.</i>	57
---	----

Этическая экспертиза

Моральная ответственность разработчиков ИИ при взаимодействии с уязвимыми пользователями: кейс OpenAI <i>Гринь Ю. А.</i>	75
--	----

CONTENTS

History of Ethics

Thomas Percival's New Portrait of the Physician: A Synthesis of Medical and Philosophical Knowledge in the Modern Era <i>Glebova Sofia, Perova Nina</i>	11
--	----

Applied Ethics

Constitutional Reforms in Slovakia: The Ethical Role of the President of the Republic <i>Tavi Leila</i>	35
---	----

Attitudes Toward Animals in Stoicism and Buddhism: Addressing Ethical Issues and Responsibility for Animals <i>Seryanova Vera</i>	57
---	----

Professional Moral Evaluation

Moral Responsibility of AI Developers Toward Vulnerable Users: The OpenAI Case Study <i>Grin Julia</i>	75
--	----

ИСТОРИЯ ЭТИКИ

HISTORY OF ETHICS

[Пустая страница]

[This page intentionally left blank]

Дискурсы этики. 2026, 1(29): 11–32

ISSN 2311-570X (online)

Постоянная ссылка:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2026/04/DE2026_1_29_11-32.pdf

DOI: 10.24412/2311-570X-2026-1-11-32

УДК 614.253

НОВЫЙ ПОРТРЕТ ВРАЧА ТОМАСА ПЕРСИВАЛЯ: СИНТЕЗ МЕДИЦИНСКОГО И ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Глебова С. В., Перова Н. В.

статья:

поступила в редакцию 20.11.2025

принята к публикации 21.02.2026

опубликована (онлайн) 28.04.2026

© Глебова Софья Валерьевна

кандидат философских наук, старший научный сотрудник

Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена,

старший преподаватель Школы экономики и менеджмента департамента менеджмента

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,

Санкт-Петербург, Россия

адрес для корреспонденции: sophi.ign@gmail.com

© Перова Нина Вадимовна

аспирант Института Философии РАН, Москва, Россия

адрес для корреспонденции: nino4kaperova@yandex.ru

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Аннотация: В широких кругах принято считать Новое время эпохой специализации научного знания; в области биоэтики вершиной результатов осмысления достижений в области врачевания и развития этической мысли стал Томас Персиваль, составивший трактат «Медицинская этика

или кодекс правовых стандартов и наставлений применительно к профессиональной этике врачей и хирургов». Несмотря на серьезное влияние на биоэтическую мысль (в частности, Трактат послужил фундаментом этического кодекса Американской медицинской ассоциации), для русскоязычного читателя работы Т. Персиваля остаются практически неизвестными, что обуславливает научную новизну исследования. Кроме того, работа ставит своей целью определение теоретических оснований биоэтики как этики корпоративной. В период, когда общество вновь столкнулось с моральными вызовами медицинских открытий и технических инноваций особенно актуальным представляется переосмысление истоков профессиональной врачебной этики. В своей работе авторы опираются непосредственно на сам трактат Томаса Персиваля, представляющий собой полноценный этический кодекс корпоративной медицинской этики, критическую работу Лоренса МакКуллога «Медицинская этика Томаса Персиваля и создание медицинского профессионализма», а также на исследование М. Фуко в области истории клиницизма как социального и институционального явления «Рождение клиники: Археология взгляда медика». Данный подход позволяет провести комплексный анализ нового портрета врача как с точки зрения результата естественно-научных открытий, так и определить место философских концепций, послуживших эпистемологическим контекстом.

Ключевые слова: Томас Персиваль, биоэтика, медицинская деонтология, этический кодекс, профессиональная этика, корпоративная этика, Новое время, этика.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01296, <https://rscf.ru/project/25-28-01296/>

Discourses of Ethics. 2026, 1(29): 11–32

ISSN 2311-570X (online)

permanent link:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2026/04/DE2026_1_29_11-32.pdf

DOI: 10.24412/2311-570X-2026-1-11-32

THOMAS PERCIVAL'S NEW PORTRAIT OF THE PHYSICIAN: A SYNTHESIS OF MEDICAL AND PHILOSOPHICAL KNOWLEDGE IN THE MODERN ERA

Glebova Sofia, Perova Nina

received 20.11.2025

accepted 21.02.2026

published (online) 28.04.2026

© Sofia V. Glebova

PhD in Philosophy, Senior Researcher at the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Senior Lecturer at the School of Economics and Management, Department of Management, National Research University "Higher School of Economics", St. Petersburg, Russia

Correspondence to: sophi.ign@gmail.com

© Nina V. Perova

Postgraduate student at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Correspondence to: nino4kaperova@yandex.ru

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Abstract: It is commonly believed in academic circles that the Modern Era was a period of specialization in scientific knowledge. In the field of bioethics, Thomas Percival is considered the pinnacle of the reflection on medical advancements and ethical thought, having authored the treatise "Medical Ethics, or a Code of Institutes and Precepts, Adapted to the Professional Conduct of Physicians and Surgeons." Despite its significant influence on bioethical thought (notably, the treatise served as the foundation for the

ethical code of the American Medical Association), the works of Thomas Percival remain largely unfamiliar to the Russian-speaking reader, which constitutes the scientific novelty of this research. Furthermore, this work aims to define the theoretical foundations of bioethics as a form of corporate ethics. In a time when society is once again facing the moral challenges posed by medical discoveries and technical innovations, a rethinking of the origins of professional medical ethics is particularly relevant. In their work, the authors rely directly on Thomas Percival's treatise, which is a comprehensive ethical code of corporate medical ethics; on the critical work by Laurence McCullough, "Thomas Percival's Medical Ethics and the Invention of Medical Professionalism"; and on Michel Foucault's research in the history of clinical practice as a social and institutional phenomenon, "The Birth of the Clinic: An Archaeology of Medical Perception." This approach allows for a comprehensive analysis of the new portrait of the physician, both from the standpoint of the results of scientific discoveries and in defining the place of the philosophical concepts that served as its epistemological context.

Keywords: Thomas Percival, Bioethics, Medical Deontology, Ethical Code, Professional Ethics, Corporate Ethics, Modern Era, Ethics.

The research was carried out at the expense of the grant of Russian Science Foundation № 25-28-01296, <https://rscf.ru/project/25-28-01296/>

Новый портрет врача в историческом контексте

В истории Европы XVIII век занимает особое положение: борьба за Испанские колонии, соперничество Англии и Франции, буржуазные революции и многие социальные потрясения, свидетельствующие о том, что устоявшийся, размеренный феодальный строй дожил свой век. Научное знание окончательно секуляризуется, эмпирический метод становится общим требованием к научным изысканиям. Привычка к закреплению теоретических изысканий многократными экспериментами стимулирует инженерную мысль, изобретение ранее фантастических приборов и машин: паровой двигатель, телеграф, ртутный термометр. Специалист XVIII века сталкивается с невероятным множеством изменившихся условий, которые требуют немедленной реакции. Постоянный страх «от-стать» дополнительно формирует распрямляющийся во весь рост капитализм: статус, ранее закреплявшийся за человеком на всю жизнь с рождения, теперь может быть растрочен, а место занято конкурентом.

В этой постоянной гонке оказывается и врач: профессия, которая, со времен Гиппократы, являлась закрытым, элитарным пространством — выходит на рынок. Врач наблюдает в качестве конкурентов не только вчерашних подмастерьев, родственников, но и вовсе необразованных шарлатанов.

Фуко приводит пример из французской политической жизни: «четыре раза <...> Директория была вынуждена напоминать Собранию о разрушениях, вызванных свободной медицинской практикой, плохим образованием практических врачей, отсутствием эффективного законодательства» [8, с. 119].

В то же время, стремительно развивающаяся урбанизация приводит к крайне быстрому распространению болезней. Администрация многих крупных европейских городов, «ужаснувшись болезням, свидетелями которых они были» [8, с. 111] принимает решение о контроле меди-

цинской деятельности: появляется система дипломов, требования к специалистам и системе медицинского образования.

Ещё более остро встает вопрос о больницах. Изначально задуманные как место для оказания медицинской помощи, они быстро становятся источниками «больничной лихорадки» [7, с. 18]. В своем трактате Персиваль неоднократно подчеркивает требование соблюдения режима чистоты в больнице, что позволяет нам установить факт знакомства автора с основными работами в данном направлении («Полная система медицинской полиции» П. Франка и «Макробиотика» К.В. Гуфенланда) [4]. А его требование к хирургам убирать операционную и смывать с себя кровь перед тем, как пациент придет в себя [7, С. 22–23], может свидетельствовать как о признании достижений в области психологии и симпатического направления в философии, так и о признании (ещё одиозного тогда) исследования о необходимости обработки рук врачами И.Ф. Земмельвейса [4].

Привычной картиной в конце XVIII в. представляется больница как инструмент социальной сегрегации, а не как общественное благо: финансово обеспеченные больные предпочитают надомное лечение, а больницы остаются беднякам [8, с. 110–111]. Врач не может позволить себе необдуманных действий со своими платежеспособными клиентами, он не может полностью передать состоятельного пациента в руки своему ученику, пока не будет уверен в том, что ученик — его полноправный коллега. Поэтому, настойчивость на соблюдении формальных правил гигиены со стороны Персиваля представляется не только (и даже не столько) признанием научных достижений коллег, сколько требованием к признанию человеческого достоинства и реализации права на жизнь для каждого пациента, независимо от его социального и финансового положения.

Практико-ориентированный подход, с одной стороны, обеспечивает до той поры невиданное ускорение прогресса в медицине. Дж. Хантер развил системный подход в рамках патологической анатомии и физиологии; В. Семиль ввел практику по курсу акушерства в программу

медицинского университета в Лондоне; были изобретены стетоскоп, а также метод диагностирования сердечных ударов и вакцинация [4].

С другой стороны, любое экспериментальное исследование требует объекта исследования. Врач в частной практике должен, в первую очередь заботиться о своей репутации, его путь будет всегда определяться не иначе как уверенностью в безопасности. «В больнице он защищен от подобных пут» и его гений может практиковать по-новому. Не противоречит ли сущности больничной помощи принцип: «Госпитальные больные во многих отношениях наиболее подходят для экспериментального лечения» [8, с. 135].

Подход, определяемый Персивалем, как способ гуманизации положения пациента (или пациентки) в больнице включает в себя два аспекта. Первое, постоянное повышение квалификации врача, в Трактате неоднократно указывается на необходимость постоянного совершенствования профессионального знания лекаря. Второе, развитие этого знания. Персиваль не требует обязательных научных открытий, но настаивает на ведении и последующем изучении медицинской отчетности [6, с. 15]. Данное требование — посильный шаг каждого медицинского работника к снижению рисков для пациентов в больнице.

Состояние больниц, степень гуманности их природы беспокоил многих профессионалов того времени. Менюре де Шамбо и Жан Жак сравнивают холодное наблюдение за развитием болезни госпитального врача и проходящих практику студентов с насилием (ещё более жестоким от того, что узаконенным). Известно, что больной, отдаваясь в руки врачу желает быть как минимум излеченным, а в итоге — успокоенным; вместо же этого пациент, приходя в больницу, предоставляет себя в качестве экспоната кабинета диковинок [5, с. 104–105].

Персиваль видит разрешение данной проблемы в первую очередь в достижениях философии, открытии симпатии; а также в необходимости определения человека, его благополучия как цели медицины. Автор неоднократно подчеркивает важность проявления сочувствия врачом по отношению к пациенту. Отдельное внимание уделяется общению врача и особых категорий пациентов: в рамках акушерской практики [7, с. 11], а также первым достижениям в области психиатрии. Ав-

тор Трактата настаивает на том, чтобы считать психические отклонения болезнью и относится к таким людям именно как к пациентам, которых если невозможно вылечить, то по крайней мере, долг врача состоит в облегчении их страданий [7, с.27-28].

Таким образом, Трактат является не просто зеркалом эпохи, а результатом глубокой рефлексии над актуальными достижениями биологии, химии, медицины, и проблемами современного Персивалю общества. «Медицинская этика...» является не просто памятником биоэтической мысли, но стойким фундаментом корпоративной медицинской этики, регулирующим поведение врача как лекаря, исследователя и предпринимателя.

Новый портрет врача в философском контексте
Работа Персиваля является, во многом, продуктом века Просвещения, отражая как нужды общества, так и наиболее значимые философские теории, и движения. Она находится на стыке трех наиболее существенных течений: в рамках философии науки происходит переход от спекулятивного рационализма к эмпирической систематизации; в этике можно наблюдать отказ от божественного предписанного долга к светской этике, ориентированной на идеи добродетельности и блага; наконец, в социокультурном контексте происходит переосмысление места человека в космосе и обществе.

В философском смысле, цель «Медицинской этики» Персиваля — преодолеть медицинскую парадигму Средневековья и раннего Возрождения, сохранявшую значительное влияние вплоть до XVIII века. Интеллектуальной основой медицины того времени были, преимущественно, труды Галена (129–216 гг. н.э.), которые интерпретировались и переосмысливались через призму схоластики. Его система, включавшая в себя гиппократическую традицию, являлась всеобъемлющим, телеологической и логически изящной системой, где здоровье рассматривалось как равновесие, а болезнь — дисбалансом. Эта система вписывалась в аристотелевско-средневековое мировоззрение,

где человеческое тело являлось частью космического (божественного) миропорядка.

Методом познания в этот период является не эмпирическое исследование, а толкование текстов. Авторитет «древних» (Галена, Гиппократ, Авиценны и т.д.) был неприкосновенен. Оспаривать их было не просто научной ошибкой, но и формой интеллектуальной и профессиональной ереси.

Медицинская практика была подчинена жесткой социальной иерархии, повторявшей и отражавшей феодальную структуру. В этой иерархии можно выделить 3 ступени: врачи, хирурги, фармацевты. Врачи — вершина иерархии, с университетским образованием, джентльмены, знавшие латынь и классические тексты. В основном они занимались диагностикой, то есть измерением пульса, уроскопией, рассуждениями о дисбалансе. Ручной труд они считали ниже своего положения. Хирурги были ремесленниками и обучение проходили как подмастерья. Их работа — кровопускание, вправление костей, ампутации — была ручной и кровавой. Между ними существовала глубокая социальная пропасть, которая часто носила антагонистический характер. Наконец, фармацевты (или аптекари) были торговцами, готовили и продавали лекарства. Со временем они превратились в поставщиков первичной медицинской помощи для низших и средних классов, часто становясь первыми и единственными врачами, к которым обращался человек. Врачи относились к ним с презрением, часто обвиняя их во вторжении в их диагностическую зону. В основе этой системы лежала социальная система, основанная на покровительстве и привилегиях, которая не отражала компетенции, и не опиралась на принципы этичного поведения.

Этическая сторона медицины до эпохи Просвещения в значительной степени определялась христианским богословием. Болезнь часто рассматривалась через призму морали или духа — как наказание за грех, испытание веры или демоническое наваждение. Целитель действовал как проводник Божьей милости. Хотя это и давало мощный мотив для заботы, это не было систематическим, светским этическим кодексом. Это было моральное предписание, сосредоточенное на душе врача и

его долге перед Богом, а не на структурированном наборе принципов, регулирующих его поведение по отношению к пациенту и коллегам.

С методологической точки зрения, отказ Персиваля от этой антично-средневековой системы связан с переходом к эмпиризму. Его текст оказывается триумфом декартовского Метода, когда Персиваль не выводит свои предписания из афоризмов Гиппократа или доктрин Галена, а пишет научный текст в соответствии с нормами Нового времени (и научный текст в современном понимании). Для него «Эффективность каждого лекарства пропорциональна его чистоте и качеству...» [7, с. 13]. Его работа носит индуктивный характер: он наблюдает «моральные инциденты» и «практические трудности», возникающие в больничной практике, на частных консультациях и во взаимодействии между врачами разных уровней, и на основании их анализа выводит общие правила. В этом нетрудно увидеть британскую эмпирическую традицию Локка или Юма. Подобно тому, как Локк стремился построить систему знаний из простых ощущений, Персиваль стремится построить систему этики на основе наблюдаемых фактов профессиональной жизни. Он рассматривает медицинское сообщество как феномен, подлежащий изучению, а его взаимодействие — как данные, подлежащие классификации и регламентации. Например, его подробные инструкции по ведению историй болезни пациентов в больницах — это не просто административные рекомендации; это императив Просвещения — создание систематического архива опыта, базы данных, из которой можно было бы черпать будущие знания (как клинические, так и этические). Это выводит медицинскую этику из области традиции в область доказательности и системы.

Возможно, наиболее значимым элементом медицинской этики эпохи Просвещения, отраженной в кодексе Персиваля, является секуляризация этики. Хотя он был ревностным христианином, и его язык иногда перемежается отсылками к «Всевышнему», общая структура его кодекса решительно светская и ориентирована на человека: «...медицина является светской в том смысле, что она не требует об-

ращения к священным или божественным источникам...» [7, с. 45-46]. Моральная философия, лежащая в основе его работы, представляет собой сложное сочетание двух доминирующих школ XVIII века: сентиментализма и деонтологии.

На протяжении всего текста Персиваль апеллирует к «сердечной чуткости», «мягкости» и «доброжелательности» врача [7, с.18]. В этом нельзя не увидеть язык этики морального чувства, в первую очередь Д. Юма. Персиваль делает врожденную способность врача к сочувствию основой отношений между пациентом и врачом. Утешение пациента, преодоление его тревог, вежливое сообщение плохих новостей — это не второстепенные заботы, а первостепенные этические обязательства, вытекающие из этой развитой восприимчивости. Он говорит, что «Сочувствие, таким образом, выходит за рамки культурных, религиозных и национальных различий. Его моральный авторитет независим...» [7, с. 45].

Наряду с этим языком чувств существует значительный акцент на долге. Персиваль настаивает на обязанностях врачей перед пациентами, друг перед другом и перед обществом. Его настойчивое требование правдивости, уважения врачебной тайны и приоритета благополучия пациента, даже если это противоречит интересам самого врача, тесно согласуется с кантовской деонтологической системой. Врач должен действовать так, чтобы его максима стала универсальным законом для профессии. Он должен относиться к пациенту как к цели, а не просто как к средству — будь то ради финансовой выгоды или ради профессионального роста или просто как объект медицинского любопытства. В предписаниях Персиваля долг связывается с научной точностью Нового времени: «Однако не должно быть допущено никаких ложных или обманных действий относительно природы или течения болезни; не должно быть никаких прогностических предсказаний, которые не являются истинным результатом профессионального суждения и обдуманного размышления» [7, с.19]. Этот долг категоричен: внимание, уравновешенность и гуманность не подлежат обсуждению. Обман запрещен не из-за его последствий, а потому, что он является

«ложью», нарушением основополагающего долга говорить правду разумному существу.

В тексте Персиваля также можно найти рассуждения в духе философии утилитаризма: его видение медицины и медицинской этики выходит за рамки отдельного врача или пациента и направлено на здоровье общества вообще. Во многом следуя утилитаристским идеям Бентама, Персиваль уделяет большое внимание проблемам общественного здоровья, управления больниц и профессиональной ответственности перед социумом. Его кодекс призван не только обеспечить благополучие отдельных пациентов, но и способствовать «чести и интересам профессии» и «общественному благу». Его рассуждения об управлении больницами полны утилитаристских расчётов. Медицинская профессия, по мнению Персиваля, представляет собой общественное благо, и её этика должна быть организована для оптимизации её социальной функции. Он открыто выражает эту утилитаристскую заботу, утверждая, что единая и этическая профессия «...лучше всего подходит для завоевания общественного доверия и обеспечения всеобщего повиновения; и, следовательно, для того, чтобы учреждение было в высшей степени подчинено целям своего учреждения» [7, с.63]. Этический кодекс оправдывается своим результатом: максимизацией полезности больницы для общества, которому она служит. Более того, обсуждая заботу о бедных, он отмечает, что врачи обязаны оказывать «...безвозмездные услуги бедным <...> в качестве своего долга перед обществом за почести и вознаграждения, которые оно им оказывает» [7, с.89]. В этом прослеживаются и идеи общественного договора: профессия получает статус и доход, а взамен она имеет долг, исчисляемый и выплачиваемый услугами, которые приносят пользу общему благу.

В целом, как и французские философы того времени, Вольтер, Дидро, Д'Аламбер, Персиваль был реформатором. Его кодекс — это его «Энциклопедия» медицины. Систематизируя профессиональное поведение, он стремится «заложить фундамент здания, которое время и

опыт постепенно украсят и дополнят» [7, с. 12]. Это классическая вера Просвещения в прогресс посредством разума. Он прямо обрушивается на пагубную привычку сплетничать о пациентах, на грязную алчность гонораров и на зависть и соперничество между врачами и хирургами. Его работа — это призыв к коллегам выйти из состояния незрелости и осмелиться познать лучший, более достойный способ практиковать свое искусство.

Новый портрет врача Т. Персиваля:
рождение профессионального сообщества

Кодекс Персиваля не просто предлагает этическое поведение, он конструирует новую социальную идентичность врача. Эта новая роль отражает более широкие общественные сдвиги от феодального к современному, буржуазному обществу. Одним из самых революционных деяний Персиваля является его намеренная попытка разрушить древние барьеры между врачом, хирургом и аптекарем. Он включает все три понятия в название и обращается к ним на равных на протяжении всего текста. Он уделяет значительное внимание регламентации поведения консультантов, настаивая на взаимном уважении и единстве перед пациентом.

Современный врач Персиваля не относится к определенной социальной группе, как это было с врачами и хирургами ранее. Врач как единая профессия становится в данном Кодексе статусом, который в себе включает высшие этические требования. Авторитет врача теперь законно основывается на его владении новейшими научными знаниями. Персиваль подчеркивает необходимость постоянного обучения и совершенствования, согласуясь с верой Просвещения в прогресс. Врач должен быть рациональным и эмпирическим, а не суеверным или рабски следовать традициям.

Персиваль уделяет значительное внимание деликатному вопросу гонораров: он осуждает алчность, при этом советуя устанавливать гонорары в соответствии с доходами пациента и достойно относиться к неуплатам, особенно со стороны малоимущих. Это наделяет финансовые транзакции, которые ранее были просто бизнесом, моральным

Глебова С. В., Перова Н. В.
Новый портрет врача Томаса Персиваля:
синтез медицинского и философского знания Нового Времени

смыслом. Джентльмен-врач выше грубого коммерциализма; его главный мотив — служение, но он также справедливо ожидает достойного заработка, соразмерного его социальному и интеллектуальному статусу. Это отражает рост профессиональной буржуазии, богатство которой было связано с профессионализмом и честностью, а не с землей или торговлей. Персиваль советует врачам «сочетать нежность с постоянством в отношении денежных поощрений», предостерегая от жертвования «достоинством и респектабельностью профессии» ради «ошибочной услужливости» [7, с. 89]. Этот осторожный баланс — признание права на средства к существованию и осуждение алчности — задаёт шаблон для современных кодексов, регулирующих конфликты интересов и этичное управление финансовыми стимулами в корпоративных системах здравоохранения.

Портрет врача, который представляет Персиваль в своей «Медицинской этике», демонстрирует сознательный уход от представлений о средневековом медике. На смену фигуре, связанной привилегиями гильдии, схоластическими догмами и иерархическим социальным порядком, приходит современный профессионал, чей авторитет происходит из доказуемого научного знания, кодифицированной системы морального поведения и гражданской преданности общественному благу. Врач Персиваля — является отражением философско-культурных трансформаций, которые произошли с обществом в эпоху Просвещения. Это не просто практикующий врач, который по зову сердца соблюдает этические нормы, но тот, чей профессиональный облик воссоздан в соответствии с философскими принципами, где профессиональные добродетели обосновываются светскими, человекоцентричными рамками. Не отказываясь полностью от религиозного чувства, он систематически подчиняет его моральной философии, основанной на юмовской чувствительности и протокантовской деонтологии.

Главной движущей силой врача становится «чувство человечности», естественное чувство, которое «затрагивает сердце» и побуждает

внимание к ситуации пациента [7, с. 18]. Это прямая операционализация теории морального чувства, позиционирующая врожденное сочувствие как основу клинической помощи. Однако это чувство дисциплинируется и универсализируется посредством жесткого языка долга. Текст Персиваля полон императивов, предвосхищающих моральную философию Канта. Он настаивает на том, что «к каждому случаю... следует относиться со вниманием, уравновешенностью и гуманностью», и что «не следует допускать ни лжи, ни обмана» [7, с. 19]. Это слияние — сочувствие сердца, направляемое долгом разума — создаёт устойчивый этический двигатель для нового профессионала. Врач больше не пассивный последователь традиции, а активный, моральный агент, чьё поведение — это осознанное, обоснованное проявление добродетели. Как позже утверждал социолог Э. Фрейдсон, профессионализм — это форма институционализированной морали [2]; Персиваль предлагает её первый всеобъемлющий сценарий для медицины.

Возможно, наиболее радикальный отход от практики, существовавшей до эпохи Просвещения, заключается в скрупулезной регламентации консультаций, проводимой Персивалем. В феодальной медицине взаимодействие врачей, хирургов и аптекарей часто характеризовалось общественной злобой, юрисдикционными войнами и тревогой за статус, которая ставила врача с университетским образованием выше «практикующего» хирурга. Персиваль называет этот разлад первейшим недугом, подрывающим общественное доверие и профессиональное достоинство. Его решение — не просто призыв к вежливости, а разработка формализованной процедуры, призванной возвысить индивидуальную гордость до высшей рациональности профессионального коллектива.

Персиваль предписывает консультантам соблюдать «совершеннейшую вежливость и уважение» и придерживаться правила, согласно которому «главный врач или главный хирург сначала должен задать необходимые вопросы больному; после чего его коллегам предоставляется возможность задать их в порядке старшинства» [7, с. 39]. Этот процедурный формализм имеет огромное значение. Он фактически

Глебова С. В., Перова Н. В.
Новый портрет врача Томаса Персиваля:
синтез медицинского и философского знания Нового Времени

разрушает средневековую иерархию, основанную на профессиональной касте (врач против хирурга), и заменяет её новой, внутренней иерархией, основанной на опыте и общей приверженности рациональному процессу. Данный факт, помимо прочего, создает нехарактерную для средневекового общества социальную мобильность, где профессионализм важнее родовой принадлежности и социального статуса. Это прямой прообраз современных кодексов корпоративной этики, которые изобилуют протоколами межведомственного взаимодействия, разрешения конфликтов и управления комитетами. Требование «единого фронта» перед пациентом — «какое бы разнообразие мнений ни существовало в ходе консультации» — чтобы не вызывать у пациента тревоги [7, с. 40] — прямой предок современных корпоративных политик, направленных на представление согласованной информации заинтересованным сторонам и разрешение внутренних разногласий в частном порядке.

Видение Персиваля выходит за рамки кабинета врача и охватывает медицину как единую систему. Он стремится превратить разрозненное сообщество конкурирующих лиц и гильдий в сплоченный, саморегулирующийся корпоративный орган. Это предполагает осознанную переоценку основ профессионального уважения, смещая их с рождения или принадлежности к гильдии на образование и этичное поведение. Персиваль представляет врачей, хирургов и аптекарей как подразделения единого предприятия, концептуального предшественника современной многопрофильной медицинской корпорации. Его осуждение привычки сплетничать, поскольку она «крайне вредит репутации» [7, с. 28], демонстрирует тонкое понимание корпоративной репутации. Проступок одного члена организации становится ответственностью для всех — концепция, закрепленная в современных программах комплаенса, которые подчеркивают индивидуальную ответственность за сохранение целостности организации.

Трансформация отношений между врачом и пациентом, пожалуй, самый этически значимый аспект портрета Персиваля. Динамика

Средневековья и раннего Нового времени часто характеризовалась благожелательным патернализмом, где авторитет врача практически не подвергался сомнению. Персиваль переосмысливает эти отношения, превращая их в доверительный союз, пропитанный чувствительностью эпохи Просвещения. Врач предстаёт в образе «служителя надежды и утешения для больных», чья роль заключается в том, чтобы «сгладить смертное ложе, оживить угасающую жизнь и противодействовать угнетающему влиянию болезни» [7, с. 19]. Это выходит за рамки физического лечения и охватывает психологическое и эмоциональное благополучие пациента, отражая культивируемую в эту эпоху «чувствительность». Конечно, нельзя говорить о полном отказе от патернализма, поскольку Персиваль продолжает идею, что «...Никакие заявления или обсуждения по делу не должны иметь место в присутствии пациента или его друзей...» [7, с. 38], что является для него проявлением добродетели сострадания. Это не просто доброта; это системное этическое обязательство, которое он связывает с разумом, долгом и честью, что указывает на признание пациента как субъективной, автономной личности, доверие которой необходимо заслужить и оберегать. Это превосходит современный принцип автономии пациента — краеугольный камень биоэтики, формализованный во второй половине XX века. Хотя полноценное информированное согласие ещё не было концептуализировано, настойчивое требование Персиваля к правдивости и его неприятие обмана закладывают основу для требования, чтобы пациенты принимали активное участие в процессе лечения. Можно сказать, что, «...в частности, они будут отражать моральное созревание... переход от подхода Гиппократов... к современной медицинской этике, признающей центральную ценность пациента...» [7, с. 346].

Персиваль систематически описывает необходимые качества характера для врача, отмечая, что медицинская практика предоставляет «множество возможностей для проявления терпения, добродушия, щедрости, сострадания и всех более благородных добродетелей, украшающих общественную жизнь» [6, с. 42]. Эта концептуализация имеет основополагающее значение: эти добродетели столь же неотъ-

емлемы для практики, как и медицинские знания. Они являются практическим выражением «чувства гуманности», необходимого для преодоления интимных и часто мучительных обстоятельств ухода за пациентами.

Важнейшим компонентом аргументации Персиваля является требование, чтобы эта добродетельность была искренней. Он прямо критикует неискренность, утверждая, что «Истинное сочувствие никогда не бывает показным <...> Но наиболее убедительно это лицемерие выявляется разным отношением врача к людям высшего и низшего сословия» [7, с. 42]. Это требование единообразного этического поведения в разных социально-экономических слоях устанавливает принцип равноправного поведения в рамках его концепции. Оно определяет клиническое взаимодействие как контекст, в котором оценивается характер врача, и где преимущественное отношение к состоятельным пациентам указывает на фундаментальный этический недостаток. Эта концепция предвосхищает современные этические стандарты недискриминации и равноправного оказания медицинской помощи — запрета на предвзятость по признаку расы, пола, или любого другого немедицинского фактора.

Влияние идей Персиваля на современные подходы в области биоэтики.

Трактат «Медицинская этика или кодекс правовых стандартов и наставлений применительно к профессиональной этике врачей и хирургов» послужил основой современной корпоративной медицинской этики.

Персиваль развивает классический принцип медицинской этики «не навреди» до принципа благодеяния. Персивалем вводятся основы паллиативной помощи: даже если пациенту нельзя помочь, — его страдания можно облегчить. Автор аккуратно прописывает принципы посещения врачом смертельно больных и психически нездоровых пациентов, настаивая на необходимости врачебного участия в судьбе этих людей.

В рамках выстраивания доверительных отношений между врачом и пациентом Персиваль также требует соблюдения врачебной тайны. Что является безусловным новаторством и очень чутким откликом на только оформляющуюся в культуре Европы Нового Времени потребность человека в приватности.

Принципиально новым представляется утверждение важности информированного согласия пациента, признание его субъектности, утверждение его когнитивных способностей фактом погружения «объекта оказания услуги» или тем более «объекта эксперимента» в процесс лечения.

Наконец, требование адаптации к системе свободного рынка врачебных услуг Персиваль формулирует и требования к этикету врача: опрятность во внешнем виде, сдержанность, готовность к состраданию, терпение по отношению к больному, уважение к его выбору и готовность обосновать необходимость выбранного врачом метода лечения и стоимости собственных услуг.

Всё это оказало влияние не только на современников Персиваля, но и на многие поколения врачей вперед. Тратат «Медицинская этика» непосредственно лег в основу кодекса Американской ассоциации врачей (American Medical Association). В своем отчете авторы кодекса 1847г. отмечают: «Комитет, который подготовил данный кодекс, [...] тщательно сохранил формулировки Персиваля везде, где они передают те наставления, которые желательно внушить» [1].

Сегодня, в период нового всплеска просвещения (популярность образовательного контента, развитие новых научных теорий) необходимость актуализации работы Персиваля встает вновь. Требуется поиск новых подходов проявления терпения по отношению к пациентам и способов позиционирования специалиста как носителя уникального, высокоспециализированного знания. Современный врач конкурирует не только с шарлатаном, но и с самим пациентом, вооруженным доступной ему информацией, а также с искусственным интеллектом.

Отдельного внимания заслуживает также вопрос коммуникации со вспомогательными профессиями. Персиваль подробно описывает требуемый от врача такт при общении с аптекарями. Сегодня, речь

Глебова С. В., Перова Н. В.
Новый портрет врача Томаса Персиваля:
синтез медицинского и философского знания Нового Времени

идет не только о провизорах, но и о психологах, доулах (перинатальных психологах), физиотерапевтах, тренерах, нутрициологах и пр. Отношения с данными вспомогательными профессиями требуют такой же тонкой настройки сегодня, как и отношения врача и фармацевта III–IV века назад.

Остается актуальным и вопрос поведения врача как экономического субъекта. Здесь, трактат представляет интерес не только для самих врачей, но и для государственных служащих. Система здравоохранения во всем мире претерпевает сложный период: нехватка финансирования, нехватка специалистов, дороговизна оборудования приводит в очередной раз к несправедливому распределению доступной медицинской помощи на рынке. Пересмотр экономики сектора здравоохранения, системы мотивации врачей в больницах может оказать крайне положительное влияние на справедливое распределение социального блага.

Наконец, развитие новых медицинских открытий (генетическое кодирование, клонирование, искусственное оплодотворение и формирование эмбрионов из изначально-бесполовых клеток и пр.) а также применение прорывных технологий в области медицины (применение ИИ в диагностике заболеваний и оказании психологической поддержки, математическое моделирование для прогноза вспышек заболеваний и т.д.) требует нового этапа определения субъектности пациента в процессе врачевания, переоценки представления о благополучии индивида и общества.

Таким образом Трактат Томаса Персиваля не просто остается актуальным биомедицинским трудом, но и заключает в себе перспективные векторы развития медицинского менеджмента в современном мире.

Список литературы

1. American Medical Association. Code of Ethics of the American Medical Association. Oxford: J.H. Parker; London: J. Churchill, 1849. 36 p.
2. Freidson, E. The Changing Nature of Professional Control / E. Freidson // Annual Review of Sociology. 1984. Vol. 10, N. 1. P. 1–20. DOI: 10.1146/annurev.so.10.080184.000245.
3. McCullough, L. B. Thomas Percival's Medical Ethics and the Invention of Medical Professionalism With Three Key Percival Texts, Two Concordances, and a Chronology / L. B. McCullough. Houston, TX: Baylor College of Medicine, 2014. (Philosophy and Medicine; vol. 142).
4. Medicine in the 18th Century // Encyclopaedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/science/history-of-medicine/Medicine-in-the-18th-century> (дата обращения: 23.11.2025).
5. Menuret de Chambaud JJ. Essais sur les moyens de former de bons médecins ; sur les obligations réciproques des médecins et de la société. Paris: Ph.D. Pierres; 1791. 150 p.
6. Patuzzo, S. Discussing the Foundation of Medical Ethics / S. Patuzzo, G. Goracci, R. Ciliberti // Acta Biomed. 2018. Vol. 89, N. 3. P. 343–348. DOI: 10.23750/abm.v89i3.7050.
7. Percival, T. Medical Ethics: A Code of Institutes and Precepts Adapted to the Professional Conduct of Physicians and Surgeons / T. Percival. USA: Eisai Inc. and Janssen Pharmaceutica Inc., 2002. 134 p.
8. Фуко, М. Рождение клиники / М. Фуко ; пер. с фр. А. Ш. Тхостова. М. : Смысл, 1998. 310 с.

References

1. American Medical Association. Code of Ethics of the American Medical Association. Oxford: J.H. Parker; London: J. Churchill, 1849. 36 p.
2. Freidson, E. The Changing Nature of Professional Control / E. Freidson // Annual Review of Sociology. 1984. Vol. 10, N. 1. P. 1–20. DOI: 10.1146/annurev.so.10.080184.000245.
3. McCullough, L. B. Thomas Percival's Medical Ethics and the Invention of Medical Professionalism With Three Key Percival Texts, Two Concordances

Глебова С. В., Перова Н. В.
Новый портрет врача Томаса Персиваля:
синтез медицинского и философского знания Нового Времени

- es, and a Chronology / L. B. McCullough. Houston, TX: Baylor College of Medicine, 2014. (Philosophy and Medicine; vol. 142).
4. Medicine in the 18th Century // Encyclopaedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/science/history-of-medicine/Medicine-in-the-18th-century> (дата обращения: 23.11.2025).
 5. Menuret de Chambaud JJ. Essais sur les moyens de former de bons médecins ; sur les obligations réciproques des médecins et de la société. Paris: Ph.D. Pierres; 1791. 150 p.
 6. Patuzzo, S. Discussing the Foundation of Medical Ethics / S. Patuzzo, G. Goracci, R. Ciliberti // Acta Biomed. 2018. Vol. 89, N. 3. P. 343–348. DOI: 10.23750/abm.v89i3.7050.
 7. Percival, T. Medical Ethics: A Code of Institutes and Precepts Adapted to the Professional Conduct of Physicians and Surgeons / T. Percival. USA: Eisai Inc. and Janssen Pharmaceutica Inc., 2002. 134 p.
 8. Foucault, M. (1998) The Birth of the Clinic: An Archaeology of Medical Perception, Smysl, Moscow. (in Russian).

ПРИКЛАДНАЯ ЭТИКА

APPLIED ETHICS

[Пустая страница]

[This page intentionally left blank]

Discourses of Ethics. 2026, 1(29): 35–56

ISSN 2311-570X (online)

permanent link:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2026/04/DE2026_1_29_35-56.pdf

DOI: 10.24412/2311-570X-2026-1-35-56

CONSTITUTIONAL REFORMS IN SLOVAKIA: THE ETHICAL ROLE OF THE PRESIDENT OF THE REPUBLIC

Tavi Leila

received 06.01.2026

accepted 27.03.2026

published (online) 28.04.2026

© Tavi Leila

PhD, Department of Law,

Economics and Political Science, Guglielmo Marconi University, Rome, Italy

Correspondence to: leila.tavi@uniroma3.it

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Abstract: This article examines the constitutional evolution of the Slovak Republic through the lens of ethical responsibility and institutional balance, focusing on the role of the President of the Republic within a formally parliamentary system marked, at specific moments, by premier-presidential or neo-presidential dynamics. The Slovak constitutional framework is characterised by a flexible amendment procedure and by the coexistence of the Constitution and constitutional laws operating at a comparable normative level. While this structure allows rapid adaptation to political change, it also exposes the system to heightened instability, politicisation, and the erosion of constitutional guarantees. Within this context, the President, despite limited formal powers in constitutional revision, emerges as a key actor through moral suasion, public discourse, and indirect engagement with constitutional review. The paper argues that the President's function should be understood primarily as a *super partes* authority, whose ethical responsibility becomes crucial when formal

checks and balances are weakened. By analysing constitutional amendments, political crises, and evolving presidential practices, the study highlights the risks that arise when the ethical dimension of constitutional governance is undermined. The Slovak case thus offers a valuable perspective for comparative constitutional studies on the relationship between legal structures, political agency, and moral responsibility in contemporary democracies.

Keywords: Slovakia, Constitutional Reform, President of the Republic, Premier-Presidential System, Ethical Responsibility, Constitutional Balance.

1. Introduction

Constitutional analysis has traditionally privileged formal competences, institutional hierarchies, and procedural safeguards as the primary instruments for assessing constitutional stability and democratic resilience. On this view, constitutional power is predominantly understood as a function of legally defined authority, exercised through clearly delineated instruments of control and accountability. While this approach remains analytically indispensable, it proves insufficient in systems of constitutional governance characterised by normative flexibility, ambiguous hierarchies of constitutional norms, and underdetermined mechanisms of judicial review. In such contexts, the effectiveness of constitutional governance cannot be explained by legal formalism alone.

Where formal constitutional restraints are thin, weakened, or structurally indeterminate, ethical responsibility operates as an informal yet indispensable safeguard. The notion advanced here is not a lofty ideal detached from practice, but a practical ethic of office that is internal to constitutional roles and guides how power is interpreted. It tempers ambition and helps manage constitutional stress. On a deontological reading, this ethic stems from the intrinsic duties of office: political actors are accountable both for outcomes and for fidelity to constitutional principles, notably the rule of law, the separation of powers, and fundamental rights, regardless of expediency. Responsibility therefore appears less as a calculus of consequences than as loyalty to duty.

Crucially, this ethic does not stand in competition with law; it works within the seams of the legal order, compensating for the gaps that formal controls inevitably leave. When hierarchies of norms fail to offer clear guidance, the discipline of office, understood as a self-binding commitment to constitutional integrity, helps sustain institutional balance. Role-based responsibility, in this sense, is neither decorative nor merely aspirational. It is a constitutive condition of constitutional government, shaping judgement,

tempering ambition, and guiding action when the text falls silent and only the office-holder's sense of duty remains. For the purposes of this discussion, responsibility is conceived as a normative capacity to answer for the exercise of constitutional power beyond the limits of legal accountability. It entails the obligation to justify decisions by reference to constitutional values, institutional roles, and foreseeable consequences, even where no direct legal sanctions apply. Responsibility thus brings together answerability, restraint, and an orientation towards the common good, serving as a bridge between formal authority and ethical judgement. To explore this interplay, the Slovak Republic provides a particularly apt case. Rather than being treated as a marginal or exceptional example, Slovakia is analysed here as a paradigmatic case-study of a constitutional order in which the combination of accessible amendment procedures, the coexistence of constitutional norms of equivalent legal force, and the absence of a fully articulated system of substantive constitutional review has generated persistent tensions between flexibility and stability. These structural features have rendered the constitutional landscape especially vulnerable to politicisation, thereby amplifying the significance of informal constraints on power.

Within this framework, the President of the Republic occupies a distinctive position. Despite limited formal competences, particularly in relation to constitutional amendments, the President has repeatedly acted as a *super partes* authority, exerting influence through public argument, persuasive authority and symbolic legitimacy rather than through direct legal control. The Slovak experience demonstrates that presidential authority, in such a system, cannot be adequately assessed by reference to formal powers alone. Instead, it must be understood as a form of ethical agency operating within constitutional practice, capable of moderating institutional conflict, mobilising public scrutiny, and reinforcing constitutional values in moments of political and normative uncertainty. The theoretical contribution of this article lies in reconceptualising constitutional power beyond a purely legalistic paradigm. By integrating this ethical dimension into the examination of constitutional governance, the study advances a normative perspective that

bridges constitutional theory and political ethics. It suggests that, in flexible constitutional systems, democratic stability rests on institutional design and on the ethical quality of constitutional behaviour. The Slovak case thus provides broader insights into the moral foundations of constitutional authority and invites a re-evaluation of how constitutional safeguards are conceptualised in contemporary democracies.

2. Constitutional Context of the Slovak Republic

The Slovak constitutional experience provides a particularly illustrative case of this dynamic. While firmly embedded in the continental legal tradition, marked by the centrality of written law and a structured hierarchy of normative sources, the Slovak legal system exhibits institutional features that challenge conventional assumptions about constitutional rigidity and control. The Constitution of the Slovak Republic (*Ústava Slovenskej republiky*) was adopted by the Slovak National Council (*Slovenská národná rada*) on 1 September 1992 and formally signed on 3 September in the Knights' Hall (*Rytierska sieň*) of Bratislavský hrad, the historic castle overlooking Bratislava. It entered into force on 1 October 1992, with certain provisions becoming effective on 1 January 1993, coinciding with Slovakia's independence. Following the 1992 elections, the constitutional drafting process unfolded within parliamentary settings and through a government-appointed expert commission, the latter ultimately exercising predominant influence over the final version of the text. The final draft, prepared by a group of experts led by Milan Čič, was approved by a large parliamentary majority (114 votes out of 134).

Compared to other constitutions in Central and Eastern Europe, the Slovak Constitution displays a distinctive balance between rigidity and flexibility: while it enshrines core principles of modern constitutionalism, its amendment procedure remains relatively accessible, allowing constitutional revisions through a qualified three-fifths majority of the National Council of the Slovak Republic (*Národná rada Slovenskej republiky*). Tomáš Lalík has emphasised that the absence of a reinforced constitutional amendment procedure, such as a mandatory referendum or the involvement of multiple constitutional actors, renders the Slovak Constitution particularly vulnerable

to frequent revisions, often driven by contingent political interests [1]. This vulnerability is further exacerbated by the fact that the Slovak Parliament is vested with two distinct powers: amending the constitutional text and adopting autonomous constitutional laws that may diverge from the Constitution itself [2]. This structural feature has contributed to a proliferation of constitutional amendments, raising serious concerns regarding institutional stability and legal certainty.

Constitutional adaptability has invited the critique that the Slovak Constitution, though formally rigid, operates *de facto* as one of the more amendment-friendly charters in contemporary democracies, given the lack of robust procedural hurdles. Simultaneously, this elasticity of the constitutional order has generated a sustained academic debate, since the ease of amendment permits rapid legislative recalibration in response to shifting political circumstances. From a utilitarian standpoint, ethical responsibility is linked to the evaluation of the foreseeable consequences of constitutional action. Frequent and strategically motivated amendments may yield short-term political benefits while producing long-term institutional harm, including erosion of trust, legal uncertainty, and democratic instability [3]. Ethical restraint, on this view, works as a preventive means that minimises systemic harm to the constitutional order. Such dynamics risk weakening the stability of the institutional system, eroding public trust in democratic institutions and disturbing the overall constitutional balance. The relative ease of constitutional revision exposes the institutional setup to short-term political pressures, transforming it from a stable foundation of the legal system into a flexible instrument in the hands of a parliamentary majority. This tension between formal rigidity and practical flexibility is not merely theoretical; it has recently manifested in concrete political initiatives.

A pertinent example is the constitutional amendment approved by the National Council on 26 September 2025 under Prime Minister Robert Fico's government, is the constitutional amendment approved by the National Council on 26 September 2025 with 90 votes, thereby reaching the three-fifths requirement in the 150-seat chamber after two MPs from the

conservative opposition movement *Slovensko*, Marek Krajčí and Rastislav Krátky, broke ranks and supported the measure. The governing coalition (Smer-SD, Hlas-SD, SNS) counted 78 reliable votes and secured the margin only on the day of the vote, following weeks of manoeuvring and negotiations that also drew additional backing from the opposition—roughly a dozen MPs overall, with a notable role played by segments of the Christian Democratic Movement (KDH). President Peter Pellegrini signed the amendment shortly after its adoption, allowing it to enter into force on 1 November 2025. The promulgation was not accompanied by a significant public intervention encouraging constitutional debate or addressing the broader normative implications of the reform, reflecting a largely formal exercise of the presidential role [4].

The reform recognises only two biologically defined sexes; limits adoption to married couples; bans surrogacy; enshrines equal pay; requires parental consent for sexuality education beyond the national curriculum; and asserts State sovereignty, particularly regarding national identity, culture and ethics. The amendment combined heterogeneous provisions ranging from social guarantees to restrictions on family and reproductive rights, a legislative strategy that facilitated coalition-building across ideologically diverse parliamentary actors. Contemporaneous domestic and international accounts consistently documented these features and the vote arithmetic, noting that the requisite supermajority emerged only after last-minute defections; several outlets reported that Prime Minister Robert Fico framed the outcome as a strong barrier to progressive policy agendas. Observers likewise highlighted potential points of friction with EU law arising from the national-identity clause. Both before and after the vote, Council of Europe bodies (including the Venice Commission) voiced concerns about vague constitutional wording and rights impacts, while EU justice officials reiterated the primacy of EU law; a joint civil-society letter later asked the Commission to respond. The episode illustrates both the fragility and volatility of the current term: defections and tactical alliances have intermittently given the cabinet constitutional-level majorities, while also exposing the limits of day-to-day control over the agenda and the fragility of relying on ethical responsibility as an informal constitutional safeguard, since a presidency

that refrains from exercising public argument or normative leadership leaves the stabilising potential of the office largely unrealised. The resulting pressures carry material implications for the separation of powers, judicial independence, and the protection of fundamental rights, issues already under scrutiny in EU and Council of Europe fora and in the media. How the Constitutional Court reconciles the new clauses with treaty obligations, and how the government operationalises them in ordinary legislation, will shape the ensuing legal trajectory in the months ahead.

This institutional fragility derives from contingent political alignments as well as from deeper structural features of the Slovak constitutional order. One of the most distinctive features of the Slovak Constitution is the absence of an explicit “eternity clause” [5], that is, a set of foundational principles formally shielded from constitutional revision [6]. By contrast, the Czech Constitution expressly protects certain core elements of the democratic rule-of-law state from amendment. The Czech Constitution explicitly enshrines an “eternity clause” in Article 9(2), which prohibits changes affecting the essential requirements of a democratic, law-based state. The Czech Constitutional Court confirmed this interpretation in Pl. ÚS 19/08 (26 November 2008), emphasizing that even constitutional amendments cannot abolish these fundamental principles [7]. Since 2010, however, Slovak constitutional scholarship and the jurisprudence of the Constitutional Court (*Ústavný súd Slovenskej republiky*) have progressively articulated the concept of a “material core” of the Constitution [8], understood as a body of fundamental principles that cannot be altered without undermining the constitutional identity of the State [9]. Drawing inspiration from German and French constitutional theory, this concept has assumed growing relevance in the Slovak debate, particularly in response to politically motivated attempts to amend the Constitution.

In comparison with other European constitutional systems featuring more demanding amendment procedures, such as Germany and France, the Slovak constitutional settlement is frequently criticised for being prone to politicisation due to its excessive flexibility [10]. Over time, the Slovak Con-

stitutional Court has sought to constrain the instrumental use of constitutional revision by the legislature. In several landmark decisions, it has acknowledged the existence of immutable principles inherent to a democratic state governed by the rule of law, including the separation of powers and the protection of fundamental rights. In 2014, the Court explicitly identified these principles as forming the “material core” [11] of the Constitution and characterised them as intangible constitutional values (PL. ÚS 7/2018, para. 121). This doctrinal position was subsequently consolidated in decision PL. ÚS 21/2014 [12], in which the Court asserted its competence to review the conformity of constitutional laws with the Constitution’s material core. In PL. ÚS 21/2014 (30 January 2019), the Slovak Constitutional Court addressed three key questions: (1) whether the Constitution contains an implicit material core; (2) whether a constitutional amendment can violate that core; and (3) whether the Court has the competence to review such amendments. The Court answered all three in the affirmative, recognizing the existence of a *materiálne jadro* grounded in the principles of the rule of law and judicial independence. It further held that constitutional laws cannot contradict this core and that, in case of violation, the Court may declare the amendment invalid. In the specific case, provisions introducing extraordinary vetting of judges were deemed to undermine judicial independence and thus breach the *materiálne jadro* [13].

A significant number of Slovak constitutional scholars maintain that a substantive distinction exists between the Constitution and constitutional laws. Some advocate a formal differentiation grounded in Articles 86(a) and 84(4) of the Constitution, while others adopt a material approach based on the supremacy of the Constitution as affirmed in Article 152(4). Originally conceived as a transitional provision, this clause has come to perform a function comparable to that of the Supremacy Clause contained in Article VI of the United States Constitution. Academic discourse has consequently focused on the fundamental question of which institution is competent to review the constitutionality of constitutional laws. Scholars such as Radoslav Procházka [14] limit this inquiry to the notion of the material core, arguing that it is too abstract to serve as an effective standard of review, while nonetheless acknowledging its implicit grounding in Article 32 of the

Constitution. Other scholars, including Ján Drgonec, contend that the Constitutional Court may exercise such review pursuant to Article 124 [15]. This debate has played a decisive role in shaping Slovak constitutional jurisprudence and provided the theoretical basis for the Constitutional Court's 2019 decision, which had a significant impact on the constitutional settlement and generated tensions with the legislature. In response, the legislature curtailed the Court's power to assess the legitimacy of constitutional amendments in 2020, a controversial measure that remains under review.

Before 2020, the Constitutional Court of the Slovak Republic had the authority to review the conformity of all legal norms, including constitutional laws, with the fundamental principles of the Constitution, stated in Article 125(4). The 2020 reform introduced an unprecedented restriction by stipulating that constitutional laws are no longer subject to constitutional review, thereby allowing Parliament to adopt them without any oversight from the Constitutional Court [16]. This development has raised serious concerns regarding the balance of powers and the Court's capacity to safeguard the fundamental principles of the Slovak constitutional order. Against this backdrop, Article 84(4) of the Slovak Constitution is the sole provision that prescribes a procedure for adopting constitutional laws different from that for ordinary legislation. Beyond this, there are no formal or substantive constraints on the amendment process, nor any limits on Parliament's power to revise the Constitution. Richard Albert classifies this model as an example of legislative entrenchment, a system in which constitutional revision requires a qualified majority but no additional procedural safeguards [17]. This form of constitutional entrenchment ranks among the least rigid on a five-point scale, which ranges from legislative non-entrenchment to indefinite constitutional entrenchment, where amendments face near-absolute restrictions.

Within this complex institutional landscape, the role of the President of the Republic acquires particular significance, not as a source of formal constitutional authority, but as a bearer of ethical agency within a structurally fragile system of checks and balances. Despite possessing limited formal

powers in comparison with other constitutional actors, the President may function as a stabilising force and a super partes authority in defence of constitutional balance. The Constitutional Court's attempts to restrain instrumental constitutional change are symptomatic of broader challenges faced by European democracies in preserving institutional stability and the rule of law. The legislative restriction introduced in 2020 was widely criticised for undermining constitutional review and effectively granting Parliament the ability to amend the Constitution without substantive constraints. A virtue-ethical approach may further illuminate the Slovak case by drawing attention to the character, judgment, and practical wisdom (*phronesis*) expected of constitutional actors in moments of institutional stress [18]. Ethical responsibility is here understood as a disposition associated with constitutional office, institutional tradition, and role-based expectations, manifesting itself in prudence, moderation, and a commitment to constitutional balance rather than partisan advantage.

The stabilising role of the President in moments of constitutional stress can thus be interpreted as an expression of institutional virtue rather than formal authority. The ongoing dialogue surrounding the material core of the Constitution and the prerogatives of the Constitutional Court continues to occupy a central place in Slovak constitutional politics. In this context, the President may influence constitutional discourse by virtue of their role as guarantor of national unity and institutional continuity. The central challenge remains the reconciliation of legislative power with judicial oversight in order to prevent constitutional change from jeopardising democratic integrity and institutional stability. While constitutional adaptability is essential in responding to social and political change, the absence of effective counterbalances risks transforming flexibility into a source of constitutional vulnerability rather than protection.

3. Presidential Authority within the Slovak Constitutional Order

Elected by direct popular vote for a five-year term, the President of the Slovak Republic primarily serves a representative function. Nevertheless, the office carries a significant political weight within the Slovak institutional or-

der, particularly with regard to the balancing of legislative power and the public debate surrounding constitutional reforms [19]. In comparative terms, the President's authority may be classified as a form of moderate presidential power, comparable to that found in other Central and Eastern European states such as the Czech Republic and Poland, yet clearly less extensive than in systems characterised by strong presidentialism, such as France [20]. In normative terms, this configuration is significant because it decouples constitutional relevance from the possession of extensive formal powers. The Slovak President matters not as a sovereign decision-maker, but as an office-holder whose responsibility is tied to restraint, justification, and the public articulation of constitutional limits. In this sense, the presidency embodies a form of role-based ethical responsibility: its authority depends less on coercive capacity than on its ability to sustain constitutional confidence at moments when the legal system alone offers insufficient guidance.

In Slovakia, constitutional amendments must be adopted by Parliament through a qualified three-fifths majority, without granting the President the power to initiate constitutional revisions or to exercise a definitive veto over constitutional reform. As a result, presidential influence in this domain operates primarily through indirect modalities. The President lacks formal instruments allowing him or her to block or amend constitutional changes. Anchored in *auctoritas* rather than *potestas*, this institutional figure retains political relevance, particularly through the non-coercive force of *morálna autorita* (moral suasion). [21].

The President may publicly criticise proposed constitutional amendments, thereby exerting pressure on public opinion and parliamentary actors, and may also act as an intermediary within the political debate by promoting dialogue among parliamentary forces and facilitating compromise-oriented negotiations. Institutional prestige further enables the President to reframe decision-making processes, especially in cases where constitutional reforms are perceived as threatening the fundamental principles of the rule of law. In such circumstances, the President may draw international attention

to the issue by engaging supranational bodies and European institutions, thereby increasing political and diplomatic pressure on the parliamentary majority, even in the absence of direct legislative intervention. The ethical significance of such intervention may be understood on several levels. At a duty-based level, the President is expected to uphold the constitutional order independently of immediate political convenience. At a consequential level, presidential silence or passivity may facilitate institutional harm by allowing constitutionally sensitive reforms to proceed without sufficient scrutiny. At the level of institutional character, the office presupposes prudence, moderation, and judgment, especially where legal competences are weak but symbolic authority remains strong. The Slovak case illustrates what the President can do and what the President is expected to represent within the constitutional imagination of the polity.

Over time, the relationship between the President and the Slovak Parliament has evolved towards a more pronounced institutional dialectic. One of the most visible aspects of this evolution lies in the growing willingness of Presidents to intervene publicly in debates on matters of constitutional significance, frequently opposing reforms perceived as endangering democratic equilibrium. For example, Rudolf Schuster, who held office from June 1999 to June 2004, sought to interpret the presidential role as being close to the people and did not hesitate to criticise the government in this capacity [22]. By contrast, Ivan Gašparovič, who served from June 2004 to June 2014, pursued a mandate centred on consensus-building and institutional stability, avoiding divisive positions and favouring an inclusive and non-confrontational rhetoric. His communicative strategy relied on a paternalistic, statesman-like approach, aimed at strengthening the bond between citizens and institutions, emphasising traditional values and a form of cultural nationalism devoid of radical overtones [23]. These contrasting presidential styles unfolded within a constitutional framework whose structural characteristics have profoundly influenced the relations between the executive and the legislature.

This constitutional context must be understood against the backdrop of a system marked by a proliferation of constitutional laws, which has contributed to a more fluid yet less stable legal order. Such structural flexibility

limits presidential prerogatives while simultaneously allowing for substantial institutional change in the absence of robust constitutional oversight. The fragility of this settlement has been particularly evident during periods of political cohabitation, notably between 2004–2006, 2010–2012, and from 2019 onwards. During these phases, conflicts between the President and the Prime Minister, often moulded more by personal factors than by substantive ideological divergence, nevertheless generated institutional tensions, raising concerns regarding the compatibility of such arrangements with the principle of separation of powers and overall constitutional stability. In this context, Article 102(e) of the Slovak Constitution grants the President the power to dissolve Parliament, but only under specific circumstances, such as the inability to form a government or the prolonged suspension of parliamentary proceedings.

This institutional fragility was dramatically exposed in the political crisis that followed the fall of Iveta Radičová's government in 2011. Owing to political fragmentation, Parliament proved unable to form a new executive, prompting the adoption of an ad hoc constitutional act (*Ústavný zákon č. 330/2011 Z. z.*) enabling early elections. Despite this measure, uncertainty persisted regarding the management of executive authority until the installation of a new government. Article 115 of the Constitution authorises the President to dismiss the government following a vote of no confidence or the rejection of a request for confidence and allows the outgoing executive to remain in office for routine administration pending the appointment of a successor. However, as the Constitution did not explicitly regulate the powers of a government that had lost parliamentary confidence, political institutions opted to resolve the impasse through a further constitutional amendment (*Ústavný zákon č. 356/2011 Z. z.*).

This amendment triggered political and academic debate concerning the possible introduction of a semi-presidential model in Slovakia [24]. Although the measure was temporary and case-specific and did not result in a structural transformation of the parliamentary system, it nonetheless introduced an unprecedented mechanism affecting the dual structure of execu-

tive power. Executive competences were reorganised into three distinct categories: powers exercisable independently by the outgoing government; powers requiring case-by-case presidential consent; and powers entirely suspended until the formation of a new executive. This institutional pattern appears anomalous within a parliamentary republic, where the head of state traditionally performs a symbolic role and acts subject to ministerial countersignature. By virtue of the amendment, the President acquired an active supervisory role over certain executive actions, thereby enhancing presidential authority, at the expense of parliamentary oversight, and narrowing the autonomy of a government no longer accountable to Parliament.

The amendment thus introduced elements of neo-presidentialism into the Slovak constitutional regime. Peter Horváth identifies three principal issues arising from this expansion of presidential authority [25]. First, responsibility for executive actions becomes ambiguous, since a government that has lost parliamentary confidence is no longer politically accountable, while the President, whose political responsibility is inherently limited, assumes an indirect role in executive decision-making. Second, the constraints imposed on the outgoing government significantly curtail its operational capacity, generating legal uncertainty in situations where such arrangements persist for extended periods. Third, the constitutional scheme fails to clarify how executive authority should function in the event of presidential incapacity or vacancy, leaving unresolved questions regarding ministerial status and dismissal procedures. During periods of political crisis, the executive nonetheless retains autonomous control over essential functions such as economic and social policy, public administration, and the appointment of lower-ranking officials. Other competences, however, are subject to presidential authorisation, reinforcing the President's supervisory role. For example, the appointment of ambassadors, the calling of national referenda, and the ratification of international treaties require presidential approval, thereby limiting executive autonomy in diplomatic affairs. Certain prerogatives, such as the appointment of high-ranking judicial officials and the unilateral adoption of emergency decrees, were removed altogether from governmental authority and reassigned to other institutional actors. Among these, Parliament has acquired a stronger role in overseeing extraordinary measures,

being required to ratify or reject decrees within a specified period. Moreover, in certain exceptional situations, the President may intervene through supervisory authority by approving or rejecting the adoption of extraordinary measures [26].

Overall, the 2011 constitutional amendment significantly reinforced the position of the President, introducing neo-presidential elements while simultaneously weakening parliamentary control procedures. It was adopted rapidly, within a four-hour parliamentary session. This speed underscored its legal and political fragility. While the reform provided a pragmatic solution to an unprecedented crisis, it also generated systemic contradictions that undermine the coherence of the Slovak parliamentary model. By granting limited powers to a government lacking parliamentary confidence and subjecting key executive actions to presidential consent, the amendment altered the principle of political accountability, placing the executive in an ambiguous position: no longer fully legitimised by Parliament, yet not independent from presidential influence [27]. This institutional setting departs from the classical parliamentary model, in which governmental accountability is primarily directed towards the legislature. The presidential role has evolved from a largely ceremonial office constrained by ministerial counter-signature to a central executive actor. This transformation signals a neo-presidential drift without a corresponding clarification of responsibility [28]. From an ethical perspective, this ambiguity is especially revealing. A constitutional actor may acquire greater practical influence precisely at the moment when the lines of accountability become less transparent. This creates a tension between power and responsibility: the President may be called upon to stabilise the system, yet without a fully corresponding increase in answerability. The Slovak experience thus illustrates a broader constitutional problem: institutional crises often expand the discretionary relevance of offices before the normative standards by which their conduct should be judged are clarified. The President's capacity to influence the legislative process is further enhanced by direct popular legitimacy, which confers symbolic authority and a privileged channel of communication with

citizens. This legitimacy enables the President to articulate reservations regarding constitutional reforms and to amplify public debate, at times placing Parliament under significant political pressure. These forms of intervention have been particularly evident in instances where Presidents openly criticised legislation or constitutional amendments deemed detrimental to democratic governance, seeking to mobilise public consensus in response.

Despite this enhanced visibility, presidential intervention does not consistently translate into an effective capacity to halt or reshape legislative processes. The evolving relationship between the President and Parliament in Slovakia thus reveals a persistent tension between the formal limits of presidential authority and the aspiration to exert substantive political influence [29]. While lacking powers comparable to those of Parliament, the President nonetheless operates as a catalyst within the constitutional order, leveraging institutional visibility to set the terms of public discourse and to raise awareness of issues central to democratic stability. The introduction of direct presidential elections in 1999 was conceived in response to prolonged parliamentary deadlock. The reform then consolidated the process by which the office accrued enhanced symbolic legitimacy.

4. Conclusions

The analysis of the Slovak constitutional environment highlights the structural vulnerabilities that may arise in democratic orders characterised by high degrees of normative flexibility and indeterminate constitutional hierarchies. While formal constitutional design remains a crucial element of democratic governance, the Slovak case demonstrates that institutional architecture alone cannot guarantee constitutional stability where amendment procedures are readily accessible and substantive limits to constitutional change remain weakly articulated. In such settings, the erosion of formal safeguards increases the risk of politicisation and places considerable strain on traditional arrangements of checks and balances.

Against this backdrop, ethical responsibility constitutes a critical, albeit informal, dimension of constitutional governance. Viewed through the lenses of deontological duty, consequentialist assessment, and vir-

tue-based judgment, ethical responsibility emerges as a multidimensional concept that cannot be reduced to a single normative paradigm. Its constitutional relevance lies precisely in its capacity to integrate rule-based obligations, sensitivity to systemic consequences, and the ethical quality of institutional conduct. Rather than functioning as an external moral constraint, it is embedded within institutional roles and manifests itself through practices of restraint, public justification, and normative leadership. It becomes particularly salient when legal channels fail to provide clear or authoritative limits to political action. The Slovak experience illustrates how ethical considerations may acquire constitutional relevance precisely in moments of institutional ambiguity and constitutional stress.

The role of the President of the Republic is central to this institutional dialectic. Despite the absence of decisive formal powers in the field of constitutional revision, the Slovak President has repeatedly operated as a *super partes* authority, mediating institutional conflict and reinforcing constitutional values through moral suasion, public discourse, and symbolic legitimacy. This form of authority does not derive from hierarchical legal supremacy, but from the ethical expectations attached to the presidential office within a fragile constitutional environment. As such, presidential influence cannot be adequately captured by conventional analyses focused solely on competences and procedural prerogatives.

At the same time, the Slovak case also reveals the inherent fragility of ethical safeguards. Ethical responsibility, while capable of compensating for deficiencies in formal constitutional controls, remains contingent upon the personal integrity of office-holders and the broader political culture in which institutions operate. Where ethical restraint gives way to excessive politicisation or alignment with partisan interests, the stabilising function of informal constitutional authority may rapidly erode, exacerbating institutional imbalance rather than mitigating it. This tension underscores the limits of relying on ethical responsibility as a substitute for robust constitutional safeguards.

From a theoretical perspective, the findings of this study invite a re-consideration of constitutional power as a multidimensional phenomenon that transcends formal legal authority. In constitutional systems marked by flexibility and structural indeterminacy, democratic resilience reflects a combination of constitutional architecture and the ethical quality of constitutional practice. The Slovak experience thus contributes to a broader theoretical debate on the moral foundations of constitutional governance, suggesting that ethical responsibility should be recognised as an integral component of constitutional consideration rather than a merely ancillary one.

In essence, this article does not propose ethical responsibility as an alternative to formal constitutional safeguards, but as a necessary complement to them. The Slovak case demonstrates that, in the absence of clear substantive limits to constitutional change, ethical restraint and normative leadership may temporarily uphold constitutional equilibrium. Yet lasting democratic stability requires a recalibration of both formal and informal structures of control, ensuring that constitutional governance rests on a balance between legal authority and ethical responsibility.

References

1. Ľalík, Tomáš. “The Slovak Constitutional Court on Unconstitutional Constitutional Amendment (pl. ÚS 21/2014).” *European Constitutional Law Review* 16.2 (2020): 328-343.
2. Erdősová, Andrea. “The Constitutional Development of Slovakia.” Csink, Lóránt and László Trócsányi, eds. *Comparative Constitutionalism in Central Europe: Analysis on Certain Central and Eastern European Countries*. Central European Academic Publishing, 2022: 149–172.
3. Sekerák, Marián. “Constitutional Amendments, Democratic Resilience, and the Threat of Political Regime Change: The Case of Slovakia.” *Communist and Post-Communist Studies* (2025): 1-24.

4. Csanyi, Peter. "Slovakia Political Briefing: The Review of Slovak Political Development in 2025." *Monthly Briefing of the China-CEE Institute*, 11 (2025): 7-10.
5. Hein, Michael. "Do Constitutional Entrenchment Clauses Matter? Constitutional Review of Constitutional Amendments in Europe." *International Journal of Constitutional Law* 18.1 (2020): 78-110.
6. Cecili, Marco. "La Costituzione: la vocazione all'eternità e le radici nella tradizione." Gasbarro, Tiziana, and Danilo Testa, eds. *Tempo. Tra esattezza e infinito*. Atti IX Convegno Interdisciplinare dei Dottorandi e Dottori di Ricerca, 14-16 giugno 2017. *UniversItalia*, 2019: 233-246.
7. Vyhnánek, Ladislav. "The Eternity Clause in the Czech Constitution as Limit to European Integration: Much Ado About Nothing?." *Vienna J. on Int'l Const. L.* 9 (2015): 240-252.
8. Čuroš, Peter. "Independence and Autonomy—Means Toward Ends: How Misconceived Independence Created an Isolated Judiciary in Slovakia." Reayat, Nauman, Rhona KM Smith, and Moohyung Cho, eds. *Judicial Independence in Transitional Democracies*, Routledge, 2024: 111-129.
9. Iancu, Alexandra, and Angela Tacea. "Le semi-présidentialisme dans les régimes post-soviétiques: triomphe et régression démocratique." *Pouvoirs* 184.1 (2023): 107-120.
10. Szakály, Zsuzsa. "Constitution-making and the Permanence of the Constitution." Csink, Lóránt, and László Trócsányi, eds. *Comparative Constitutionalism in Central Europe: Analysis on Certain Central and Eastern European Countries*. No. 3. Central European Academic Publishing, 2022: 199–222.
11. Trellová, Lívia, and Boris Balog. "The Material Core of the Slovak Constitution and Its Perspectives." *Balkan Social Science Review* 19 (2022): 137–155.
12. Lapčáková, Marta. "Ústava v ohrození - Zopár zamyslení nad jedným nálezom Ústavného súdu Slovenskej republiky (PL. ÚS 21/2014)." *Acta Facultatis Iuridicae Universitatis Comenianae* 38.1 (2019): 237–260.
13. Orosz, Ladislav. "Materiálne jadro slovenskej ústavy (môže ústavný súd preskúmavať súlad ústavných zákonov s ústavou?)." Domaňska, Aldona, and Uniwersytet Łódzki, eds. *Zagadnienia prawa konstytucyjnego: Księga jubileuszowa dedykowana Profesorowi Krzysztofowi Skotnickiemu w*

- siedemdziesiątą rocznicę urodzin*. Tom 2. Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2023: 523–538.
14. Procházka, Radoslav. *Ľud a sudcovia v konštitučnej demokracii. Vydavateľstvi a nakladateľstvi* Aleš Čeněk, 2011.
 15. Drgonec, Ján. *Ústava Slovenskej republiky: teória a prax*. CH Beck, 2015.
 16. Štiavnický Ján, and Max Steuer. “The Constitutional Court of the Slovak Republic: the many faces of law-making by a constitutional court with extensive review powers.” Florczak-Wątor Monika, ed. *Judicial law-making in European constitutional courts*. London: Routledge; 2020: 183–200.
 17. Albert, Richard. “Constitutional handcuffs.” *Ariz. St. LJ* 42 (2010): 663–715.
 18. Michelon, Claudio. “Practical Wisdom in Legal Decision-Making.” Amaya, Malia, and Hock Lai Ho, eds. *Law, virtue and justice*. Hart Publishing, 2012: 29–51.
 19. Giba, Marián. “Vplyv priamej voľby na ústavné postavenie prezidenta republiky na Slovensku.” *Acta Universitatis Carolinae Iuridica* 57.4 (2011): 101–113.
 20. Kujanen, Maarika. “Trust in President—A Different Case? Individual-Level Patterns of Trust in Political Executives in Central and Eastern Europe.” *East European Politics* 40.4 (2024): 637–657.
 21. Brunclík, Miloš, et al. *Power Beyond Constitutions: Presidential Constitutional Conventions in Central Europe*. Springer Nature, 2023.
 22. Schuster, Rudolf. *The Slovak Republic: A Decade of Independence, 1993–2002*. Bolchazy-Carducci Publishers, 2004.
 23. Paul, Jan, and Petr Kalinič. “Ceci n’est pas postsocialisme: the depoliticized politics of President Gašparovič.” *Středoevropské politické studie / Cent Eur Polit Stud Rev*. 2011; 13(4): 354–373.
 24. Brunclík, Milos, and Michal Kubát. *Semi-presidentialism, parliamentarism and presidents: presidential politics in Central Europe*. Routledge, Taylor & Francis Group; 2018.
 25. Horváth Pál, et al. “Exercise of the Presidential Powers in the Slovak Republic in a Comparative Perspective (1999–2019).” *Slovak J Polit Sci*. 2021; 21(1): 51–78.
 26. Krouwel, André. *The Presidentialisation of East-Central European Countries*. Paper presented at: ECPR Joint Sessions Workshop on the Presidentialisation of Parliamentary Democracies; 2000 Apr; Copenhagen, Denmark.

27. Ľalík Tomáš. "Tracing Constitutional Changes in Slovakia between 2008–2016". *Hung J Legal Stud.* 2017; 58(2): 117–138.
28. Káčer, Marek. "Shaping the Appointment Powers of the Slovak President under Constitutional Conventions". *Acta Politologica.* 2022; 14(1): 1–16.
29. Neumann, Jakub. "Limity diskrecie prezidenta Slovenskej republiky pri udeľovaní poverenia na zostavenie vlády." *Justičná revue* 73.3 (2021): 382–394.

Дискурсы этики. 2026, 1(29): 57–72

ISSN 2311-570X (online)

Постоянная ссылка:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2026/04/DE2026_1_29_57-72.pdf

DOI: 10.24412/2311-570X-2026-1-57-72

УДК 179.3

ОТНОШЕНИЕ К ЖИВОТНЫМ В СТОИЦИЗМЕ И БУДДИЗМЕ: РЕШЕНИЕ ЭТИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЖИВОТНЫХ

Серянова В. А.

статья:

поступила в редакцию 15.12.2025

принята к публикации 16.01.2026

опубликована (онлайн) 28.04.2026

© Серянова Вера Алексеевна

студент Санкт-Петербургского государственного университета ветеринарной медицины,

Санкт-Петербург, Россия

адрес для корреспонденции: veraseranova7652@gmail.com

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Аннотация: В статье представлен сравнительный анализ отношения к животным в стоицизме и буддизме, которые предлагают разные подходы в рамках вопроса моральной ответственности перед живыми существами. Исследуются и выделяются фундаментальные отличия между указанными философскими течениями в четырёх обширных критериях, которые позволяют затронуть большой спектр этических вопросов, что помогает сформировать целостную картину их мировоззренческих позиций. В рамках первого критерия рассматривается ценность жизни животных и моральный долг человека: в стоицизме он в основном объясняется природной иерархией, в которой животные нужны для разумного

использования человеком, действия которого ограничиваются умеренностью, в буддизме — тем, что животное признаётся чувствующим существом и участником круга Сансары, что порождает долг сострадания. Вторым является критерий превосходства человека: в стоической культуре человек выше из-за наличия разума (логоса) и способности к добродетели, в буддизме признаётся сложность животному добиться благополучного перерождения из-за отсутствия в его мире практики Дхаммы, поэтому рождение человеком является ценным даром. Третий критерий основан на представлениях животных в виде метафор и символов в этих учениях: в стоицизме животные — это аллегории человеческих нравственных состояний и инструменты морального совершенствования, в буддизме животные отражают универсальность пути к просветлению и являются носителями значимых религиозных образов. В четвёртом критерии сопоставляются практические нормы взаимодействия с животными: в стоицизме разрешено использования животных для своих целей при соблюдении правил умеренности и отсутствии жестокости, буддизм основывается на принципе ненасилия и минимизации вреда. Вывод статьи подчёркивает, что обе традиции сходятся в осуждении жестокости. Их грамотное объединение может предложить современному обществу модель, сочетающую рациональность, сострадание и взвешенность в обращении с животными.

Ключевые слова: стоицизм, буддизм, этика отношения к животным, моральная ответственность, ветеринария.

Discourses of Ethics. 2026, 1(29): 57–72

ISSN 2311-570X (online)

permanent link:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2026/04/DE2026_1_29_57-72.pdf

DOI: 10.24412/2311-570X-2026-1-57-72

ATTITUDES TOWARD ANIMALS IN STOICISM AND BUDDHISM: ADDRESSING ETHICAL ISSUES AND RESPONSIBILITY FOR ANIMALS

Seryanova Vera

received 15.12.2025

accepted 16.01.2026

published (online) 28.04.2026

© Vera A. Seryanova

BA student at the Saint-Petersburg State University of Veterinary Medicine,

St. Petersburg, Russia

Correspondence to: veraseranova7652@gmail.com

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Abstract: The article presents a comparative analysis of attitudes towards animals in Stoicism and Buddhism, which offer different approaches within the question of moral responsibility towards living beings. The fundamental differences between these philosophical movements are investigated and highlighted across four broad criteria, which allow for addressing a wide spectrum of ethical issues, helping to form a holistic picture of their worldview positions. Within the first criterion, the value of animal life and the human moral duty is examined: in Stoicism, it is primarily explained by a natural hierarchy in which animals are meant for rational use by humans, whose actions are constrained by moderation; in Buddhism — by the recognition of animals as sentient beings and participants in the cycle of Samsara, which generates a duty of compassion. The second is the criterion of human superiority: in Stoic thought, humans are superior due to possessing reason (logos) and the capacity for virtue; in Buddhism, the difficul-

ty for an animal to achieve a fortunate rebirth due to the absence of Dhamma practice in its realm is acknowledged, making human birth a precious gift. The third criterion is based on the representation of animals as metaphors and symbols in these teachings: in Stoicism, animals are allegories for human moral states and tools for moral improvement; in Buddhism, animals reflect the universality of the path to enlightenment and carry significant religious imagery. The fourth criterion compares practical norms for interacting with animals: Stoicism permits the use of animals for human purposes while observing rules of moderation and avoiding cruelty; Buddhism is founded on the principle of non-violence (ahimsa) and minimizing harm. The conclusion of the article emphasizes that both traditions converge in condemning cruelty. Their thoughtful integration could offer contemporary society a model combining rationality, compassion, and balance in the treatment of animals.

Keywords: Stoicism, Buddhism, Ethics of Animal Treatment, Moral Responsibility, Veterinary Medicine.

В эпоху экологического кризиса, роста веганского движения и научных дискуссий о правах животных вопрос этического отношения к живым существам становится как никогда актуальным. Две великие философские традиции — стоицизм и буддизм — предлагают принципиально разные подходы к этой проблеме.

Стоицизм, возникший в античном мире как философия рационального самообладания, рассматривает животных через призму природной иерархии, где человек, обладающий разумом, занимает высшую ступень. Буддизм же, с его учением о всеобщей взаимосвязи и карме, видит в животных не просто «низших существ», а чувствующих созданий, способных к перерождению и страданию.

В данной статье анализируются взгляды стоиков и буддистов на природу животных, их место в мире и этические обязательства человека. Это сравнение поможет задуматься о том, как в современном мире можно гармонично сочетать практическую необходимость и моральную ответственность перед другими живыми существами.

С точки зрения ветеринарной деятельности ответственность за животных в промышленном животноводстве и в оказании лечения по отношению к животным-компаньонам имеет свои этические и рациональные обоснования. В них входит принятия решения о экономическом обосновании действий, возможности человека оказать помощь и довести её до конца, минимизация боли и страданий при различных болезнях и стадиях. Истинная помощь, облегчение страданий, промышленное использование — вопрос о доведении ответственности за живое существо до логического итога и этических границах этих действий остаётся актуальным для дискуссий как в профессиональной, так и в бытовой сферах жизни.

Серянова В. А.

Отношение к животным в стоицизме и буддизме:
решение этических вопросов и ответственность за животных

1. Ценность жизни.

Согласно стоикам, животные являются частью природного порядка, как говорил Хрисипп: «...Существуют четыре элемента: огонь, воздух, вода и земля, из которых образуются все животные, растения, весь мир и все, что в нем находится, — и в них же разрешаются», однако их предназначение, по словам того же стоика — удовлетворение потребностей людей и служения им: «Лошадь — для езды, вол — для пахоты, собака — для охоты и охраны. А сам человек рожден для того, чтобы созерцать мир». Согласно Цицерону, животные занимают подчиненное положение в иерархии, созданной для человека, так как человек был создан как основа всего по велению естественного закона, что делает его самоценным [6]. В стоицизме животные не просто инструмент человека, Халкидий признавал сложность природы животных и наличие инстинктов: «Даже бессловесные животные обладают этой основополагающей силой души, с помощью которой отыскивают себе пищу, получают впечатления, избегают опасностей, преодолевают кручи и пропасти — то есть как-то узнают, что нужно делать (благодаря, не разуму, а природе)» [7].

В буддизме животные — чувствующие существа, чьи страдания равноценны человеческим. В Дигха-агаме, сутте 30, «Описание мира», содержится учение о мире и его структуре, там уточняется, что «Иногда разумные существа совершают плохие физические поступки, говорят плохие слова и думают плохие мысли. Когда их тело разрушается и жизнь заканчивается, они рождаются среди животных. Здесь их конечное сознание прекращается, а затем в животном возникает изначальное сознание. Благодаря этому сознанию у них есть имя и форма. Благодаря этому имени и форме у них есть шесть органов чувств» [5]. Органы чувств у животных позволяют им испытывать радость, боль, страх и другие эмоции. Согласно буддизму, животные тоже могут быть носителями сознания и чувств. Все существа равны в цикле перерождений. Книга Аттахак Нипата, сутта 12 запрещает лишать жизни даже ради самосохранения: «Мы никогда намеренно не убиваем живое су-

щество» [1]. Животные обрабатывают свою карму из предыдущей жизни, поэтому в своей нынешней жизни страдают невинно. Человек же, отвечает за свои поступки, порождает карму в текущей жизни, только он может достигнуть нирваны.

Как источник моральной ответственности перед животными в данных философских учениях разные основания. Этот долг для стоиков исходит из иерархии и рациональной природы человека в качестве умеренности и отсутствия жестокости, вследствие самодисциплины, добродетели и следования разуму (логосу), а не признания равной внутренней ценности животного. В буддизме, напротив, ответственность происходит из тождества в страдании (дуккхе), взаимосвязи в сансаре, что делает сострадание (каруна) не просто добродетелью, которую нужно возвращать поверх естественного порядка, а прямым и естественным расширением этического кругозора на всех чувствующих существ. В современном мире данные позиции применимы в качестве возможности в разной степени отнестись с состраданием к животным, принять умеренность там, где вынужденная мера становится границей в сострадании к животному и иметь возможность безмерно сострадать по отношению к животным, которым можно полноценно оказать должную помощь и заботу.

2. Критерий превосходства.

В стоицизме разум — главное отличие человека. Сенека утверждал: «Благо не может выпасть на долю бессловесному животному: благо принадлежит лучшему и более счастливому роду существ. Есть четыре рода существ: деревья, животные, люди, боги. Последние два обладают разумом, и, значит, они одной природы... благо людей совершенствуется их усилиями». Филон Александрийский отмечает ограниченность животных на фоне человека, так человек выше животных тем, что особым его даром является разумная способность, которой свойственно постигать природу телесных предметов и вообще всех вещей, главенствующим началом является ум. Не обладая способностью постигать мир в целом, животные пользуются лишь той достоинством, которая доступна восприятию каждого вида животных (ко-

Серянова В. А.

Отношение к животным в стоицизме и буддизме:
решение этических вопросов и ответственность за животных

гда собака преследует зверя по следу, она пользуется логическими знаками) [7].

В буддизме перерождение в мире животных — результат негативной кармы. В Сутте 10.216 говорится: «Существо перерождается из существа; человек перерождается через свои деяния» [2]. В «Балапандита-сутте: Глупцы и мудрецы» приводится мысль: «Монахи, быстрее эта слепая черепаха сумела бы просунуть свою голову в это ярмо с единственным отверстием, чем дурак, который однажды отправился в погибель [нижних миров], смог бы вновь обрести человеческое состояние. <...> В нижних мирах, нет практики Дхаммы, нет праведных деяний, нет совершения благих поступков, нет накопления заслуг. Там царит взаимное уничтожение, и сильный пожирает слабого» [8]. Метафора со слепой черепахой иллюстрирует редкость человеческой жизни. В таком состоянии найти единственное отверстие в ярме, крайне маловероятно, что символизирует, насколько сложно получить человеческое рождение по сравнению с другими состояниями существования. Основная идея — человеческая жизнь — это уникальный шанс.

3. Символизм животных в подходах.

Символизм животных в религиозных и философских текстах может дать много информации об отношении той или иной культуры к животному царству и к его конкретным представителям. Так через анализ метафор и аллегорий с участием животных в стоицизме и буддизме можно оценить позиции указанных философских подходов относительно места животных в мире человека. Символ животного — это не только красивый доходчивый приём, но и маркер, который показывает, видит ли человек животное как равного себе участника круга жизни или как инструмент для достижения своего благополучия, или как источник скрытой мудрости или как объект пренебрежительного отношения.

В стоицизме символ животного обычно играет роль примера позитивных или негативных проявлений человеческого нравственного со-

стояния. Так в текстах стоиков несколько раз встречается пример исключительного человека через быка, например, в беседе с участием Эпиктета: «Кто-то спросил: «Как же каждому из нас осознать то, что к лицу ему?» — А как бык, — сказал он, — при нападении льва один осознает свою подготовленность и бросается вперед в защиту всего стада? Не ясно ли, что сразу вместе с подготовленностью появляется и осознание ее? Стало быть, и всякий из нас, у кого будет такая подготовленность, непременно будет осознать ее» [11]. То есть бык — это метафора человека, который смог осознать и реализовать свою природу через разум и добродетель. Также смысл этой метафоры расширяет Цицерон: «И нелегко найти человека, который бы не желал передать другому то, что он знает сам; так что мы склонны не только к учению, но и к тому, чтобы учить других. Как быкам природою дано всеми силами и всею мощью биться со львами за своих детенышей, так и тех, кто обладает мощью и силой и способен на то, что, как говорят, совершали Геркулес и Либер, сама природа побуждает к спасению человеческого рода» [9]. Однако человек может стать быком только через усердный труд, постоянную практику и воспитание себя, что можно понять из того, что добавил Эпиктет: «А сразу вдруг быком не становятся, как и благородным человеком, нет, нужно пройти суровую закалку, подготовиться и не браться необдуманно за ничуть не подобающее» [11]. Хорошие примеры символов животных, обозначающих негативные качества человека, можно найти в источниках, с сохранившимися словами уже упомянутого Эпиктета. Как и большинство стоиков, он считал, что в человеке есть животная и божественная части, как тесная связь тела и разума, таким образом стоик считал, что люди разрушают свою разумную человеческую часть, когда ведут себя, как животные: «...в рождении нашем смешаны две эти сущности - тело, что представляет в нас общность с животными, и разум и мысль, что представляет в нас общность с богами, то одни склоняются к тому родству, несчастному и мертвому, а лишь немногие к божественному и блаженному» [11]. Стоики выделяют две группы животных (людей можно притянуть, как третью группу «идеальных» или «разумных» животных): дикие, которые олицетворяют буйные, жестокие и импуль-

Серянова В. А.

Отношение к животным в стоицизме и буддизме:
решение этических вопросов и ответственность за животных

сивные стороны человека, и домашние, которые являются представлением глупых, чувственных, безмерных в удовольствиях людей. Важно отметить, что стоики считают, что близость человека к животному определяется не судьбой, а моральным выбором человека на протяжении его жизни, есть граница между человеком диким и человеком разумным, своё положение человек занимает в связи с его верностью разуму.

В буддизме, так как основная идея заключается в том, что животные и человек являются участниками одного круга жизни и что любой человек в прошлой жизни мог быть животным, невозможно морально разграничить человека и животное, скорее животное — это одна из форм сознания. Символы животных могут быть олицетворениями каких-то качеств человека и быть участниками религиозных сюжетов, что в том числе может указывать на изображение положительных качеств. Так лев является и метафорой в поучениях, и участником религиозных сюжетов, выступая там в роли защитника дхармы, например, львы поддерживают трон Будды. В любом из этих положений лев олицетворяет мораль, терпение и особенно благородство, так как место их особенное в круге жизни: «В буддизме львы символизируют бодхисаттв, «сыновей Будды» или «львов Будды». Бодхисаттвы — это существа, достигшие высокого уровня духовного развития. Они развили в себе бодхичитту и дали обет отказаться от счастья высшего просветления и оставаться в этом мире, работая до тех пор, пока все живые существа не освободятся от страданий» [10]. Также разное состояние животного может обозначать разные ассоциации или быть метафорой перехода от одного морального состояния к другому, например, слон, которому уделено много внимания в буддийских текстах, также это одно из прошлых воплощений Будды: «В буддизме слон является символом умственной силы. В начале практики неконтролируемый ум символизируется серым слоном, который в любой момент может вырваться из-под контроля и разрушить все на своем пути. После практики дхармы и укрощения ума ум, который теперь взят под контроль,

символизируется сильным и могущественным белым слоном» [10]. Представление существа с сознанием в буддийских текстах это представление одной и той же сущности, способной к трансформации и просветлению.

Таким образом, при сравнении символизма животных в стоицизме и буддизме можно выделить основное отличие: в буддизме животные — это субъект морали, в стоицизме — это объект для моральной практики человека, инструмент для проявления воздержания в отношении к природе и ориентир для проверки своего морального развития. Также буддизм через эти животные метафоры демонстрирует схожесть страданий и универсальность пути к просвещению, что служит распространению сочувствия и добродетели на мир всего живого. Стоицизм использует животных как обозначение человеческого падения, напоминая о разумной природе человека и её постоянной угрозе, если человек не будет следовать правилам умеренности.

4. Этика взаимодействия.

Стоицизм допускает использование животных для нужд человека, но с важным условием — это должно делаться с уважением к природе, без жестокости и излишеств. Главный принцип — умеренность. Сенека предупреждал, что избыток ведёт к саморазрушению: «Будем пользоваться им [благополучием], но не похваляться; да и пользоваться будем умеренно, словно доверенным нам достоянием, которое придется вернуть. Неразумный, достигши благополучия, долго его не удержит: ведь счастье, если забыть о мере, само себя душит». Марк Аврелий напоминает, что разумная душа должна осознавать свои действия и сохранять гармонию с миром: «Свойства разумной души: самое себя видит, себя расчисляет, делает себя такой, какой хочет, плод свой сама же пожинает (ведь плоды растений и то, что соответствует этому у животных, пожинаят другие), приходит к своему назначению, когда бы ни поставлен был предел жизни». А в обращении к природе он призывает к смирению и благодарности: «Природе, дающей все и все забирающей, человек воспитанный и скромный говорит: дай, что хочешь;

Серянова В. А.

Отношение к животным в стоицизме и буддизме:
решение этических вопросов и ответственность за животных

бери что хочешь. И говорит это не дерзко, а уважительно всего лишь и преданно» [6].

В отличие от стоиков, буддизм делает акцент на ненасилии (ахимсе) как на фундаментальном принципе. Па-Аук Тоя Саядо в книге «Действие каммы» пишет, что заповедь «Воздерживаться от лишения жизни» касается не только убийства людей, но и уничтожения любых чувствующих существ, включая животных и насекомых [4]. Растения не считаются разумными существами, так как у них отсутствует полноценное сознание.

Вопросы этического отношения к животным приобретают всё большую значимость в современном мире с ростом использования животных в научных экспериментах и промышленном животноводстве. Далай-лама XIV, духовный лидер последователей тибетского буддизма, размышлял так: «А что сказать о таких явлениях, как вивисекция, когда животным повседневно причиняют ужасающие страдания, прежде чем убить их, — и делают это в целях развития научного знания? Тут я хочу лишь сказать, что для буддиста подобное дело выглядит так же чудовищно. Я могу лишь надеяться, что быстрое развитие компьютерных технологий приведет к тому, что для научных исследований будет требоваться все меньше и меньше животных... Кампании в защиту жизни людей и животных — благородное дело. Однако важно, чтобы мы не позволяли себе поддаться несправедливым чувствам и забыли о чьих-то правах. Нам необходимо быть уверенными, что мы мудро анализируем действительность, преследуя свой идеал» [3]. В современном взгляде важно также сохранять баланс между защитой прав животных и пониманием человеческих потребностей, существует необходимость в будущем позаботиться о животных за счёт полученного прогресса.

Интересно рассмотреть ветеринарное дело через призму основных идей рассматриваемых подходов. И здесь различие проявляется крайне ярко. Стоицизм предполагает следование рациональности, эмоции должны быть подчинены разуму. Так ветеринар как специа-

лист должен принимать взвешенные решения, приносящие наибольшую эффективность в лечении пациента или в производственных процессах. Буддийский подход не осуждает эмоциональную вовлечённость специалиста, более того, это может рассматриваться как практика активного сострадания. Мотивация облегчить страдание животного поддерживается в данном подходе. Однако специалист, признавая глубинную кармическую связь с животным и переживая за него, должен в своей работе не забывать о правах других созданий и в своём благородном стремлении слепо не ущемлять их. Так у двух подходов в этом вопросе есть небольшое сходение, заключающееся в том, что действия ветеринара должны быть оценены с точки зрения вреда окружающим. Но в остальном прослеживается тотальное различие: в стоицизме разум контролирует эмоции, в буддизме — разум и эмоции сосуществуют.

Вывод.

Сравнение стоицизма и буддизма в их отношении к животным выявляет много отличий в базисе этих течений, но также и наличие сходств в позитивном влиянии на идеи гуманизма. Главное отличие наблюдается в отношении к насилию над животными: буддизм, исходя из идеи кармы, видит в животных равноправных участников цикла перерождений и требует от человека строгого соблюдения принципа ненасилия, в то время как стоицизм оправдывает использование животных, но призывает к умеренности и ответственности.

Обе традиции сходятся в одном: взаимодействие с животными не должно быть жестоким и бездумным. Стоики подчёркивают рациональное управление природными ресурсами, буддисты — этическую чистоту и сострадание. В современном мире, где эксплуатация животных достигла беспрецедентных масштабов, эти идеи приобретают особую актуальность. Стоицизм и буддизм могут стать взаимодополняющими моделями для наглядной позиции ответственности за жизнь животных — от рациональной, системной ответственности (умеренность, взвешенные решения на благо общества, определённые нормы и требования для различных ситуаций, связанных с животными) до

Серянова В. А.

Отношение к животным в стоицизме и буддизме:
решение этических вопросов и ответственность за животных

расширенного круга моральной заботы и сострадания (личностные решения помощи от каждого человека, улучшения условий для жизни животных).

Список литературы

1. Ангуттара Никая 8: Аттхака Нипата – Книга Восьми [Электронный ресурс] / пер. с англ. С. В. Тюлина. 2013. URL: <https://www.theravada.ru/Teaching/Canon/Suttanta/AN/anguttara-8.htm> (дата обращения: 30.11.2025).
2. Ангуттара Никая 10: Дасака Нипата – Книга Десяти [Электронный ресурс] / пер. с англ. С. В. Тюлина. 2015. URL: <https://www.theravada.ru/Teaching/Canon/Suttanta/AN/anguttara-10.htm> (дата обращения: 30.11.2025).
3. Далай-лама XIV. Этика для нового тысячелетия / пер. с англ. Т. Голубева. М.: Ганга; 2011. 223 с.
4. Действие каммы / Досточтимый Па-Аук Тоя Саядо; пер. с англ. О. Мироновой. М.: Ганга; 2020. 487 с.
5. Дигха-агама (長阿含經) [Электронный ресурс] / пер. с кит. Ч. Паттона. URL: https://canon.dharmapearls.net/01_agama/dirgha/ (дата обращения: 30.11.2025).
6. Иоганнес фон Арним. Фрагменты ранних стоиков. Том II. Хрисипп из Сол. Часть 1. Логические и физические фрагменты. Фрг. 1-521 / пер. и коммент. А. А. Столярова. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина; 1999. 280 с.
7. Иоганнес фон Арним. Фрагменты ранних стоиков. Том II. Хрисипп из Сол. Часть 2. Физические фрагменты. Фрг. 522-1216 / пер. и коммент. А. А. Столярова. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина; 2002. 262 с.
8. Мадджима Никая [Электронный ресурс] / пер. с англ. С. В. Тюлина. 2020. URL: <https://www.theravada.ru/Teaching/Canon/Suttanta/majjhima.htm#7> (дата обращения: 30.11.2025).
9. Цицерон М.Т. О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков / пер. с лат. Н.А. Федорова; коммент. Б.М. Никольского. М.: Российский государ-

ственный гуманитарный университет, 2000. 474 с. (Памятники мировой культуры).

10. Чоски Д. Символика животных в буддизме // Буддийские Гималаи: журнал Института Нагарджуны точного метода. 1988. Т.1, №1. С. 37.
11. Эпиктет. Беседы / пер. с древнегреч. и примеч. Г.А. Тароняна; вступ. ст. Г.А. Кошеленко, Л.П. Маринович. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1997. 312 с.

References

1. Anguttara Nikaya 8: Atthaka Nipata – The Book of the Eights [Internet]. Translation from English by S.V. Tyulin. 2013. Available from: <https://www.theravada.ru/Teaching/Canon/Suttanta/AN/anguttara-8.htm> [Accessed 30th November 2025].
2. Anguttara Nikaya 10: Dasaka Nipata – The Book of the Tens [Internet]. Translation from English by S.V. Tyulin. 2015. Available from: <https://www.theravada.ru/Teaching/Canon/Suttanta/AN/anguttara-10.htm> [Accessed 30th November 2025].
3. His Holiness the Dalai Lama XIV. Ethics for the New Millennium. Translation from English by T. Golubeva. Moscow: Ganga; 2011. 223 p. (In Russ.).
4. The Workings of Kamma / Venerable Pa-Auk Tawya Sayadaw; translation from English by O. Mironova. Moscow: Ganga; 2020. 487 p. (In Russ.).
5. Dirgha-agama (長阿含經) [Internet]. Translation from Chinese by Charles Patton. Available from: https://canon.dharmapearls.net/01_agama/dirgha/ [Accessed 30th November 2025].
6. Arnim I. von. Stoicorum Veterum Fragmenta. Vol. II. Chrysippus from Sol. Part 1. Logical and Physical Fragments. Fr. 1-521 / translation and commentary by A.A. Stolyarov. Moscow: Greco-Latin Cabinet Yu.A. Shichalin; 1999. 280 p. (In Russ.).
7. Arnim I. von. Stoicorum Veterum Fragmenta. Vol. II. Chrysippus from Sol. Part 2. Physical Fragments. Fr. 522-1216 / translation and commentary by A.A. Stolyarov. Moscow: Greco-Latin Cabinet Yu.A. Shichalin; 2002. 262 p. (In Russ.).

Серянова В. А.

Отношение к животным в стоицизме и буддизме:
решение этических вопросов и ответственность за животных

8. Majjhima Nikaya [Internet]. Translation from English by S.V. Tyulin. 2020. Available from:
<https://www.theravada.ru/Teaching/Canon/Suttanta/majjhima.htm#7> [Accessed 30th November 2025].
9. Cicero, M.T. On the Ends of Good and Evil. The Paradoxes of the Stoics / translation from Latin by N.A. Fedorov; commentary by B.M. Nikolsky. Moscow: Russian State University for the Humanities; 2000. 474 p. (Monuments of World Culture). (In Russ.).
10. Jampa Choskyi. Symbolism of Animals in Buddhism. Buddhist Himalaya: Journal of Nagarjuna Institute of Exact Method. 1988;1(1):37. (In Russ.).
11. Epictetus. Discourses / translation from Ancient Greek and notes by G.A. Taronyan; introductory article by G.A. Koshelenko and L.P. Marinovich. Moscow: Scientific Publishing Center "Ladomir"; 1997. 312 p. (In Russ.).

ЭТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

PROFESSIONAL
MORAL EVALUATION

[Пустая страница]

[This page intentionally left blank]

Дискурсы этики. 2026, 1(29): 75–84

ISSN 2311-570X (online)

Постоянная ссылка:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2026/04/DE2026_1_29_75-84.pdf

DOI: 10.24412/2311-570X-2026-1-75-84

УДК 174:004.8

МОРАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РАЗРАБОТЧИКОВ ИИ ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С УЯЗВИМЫМИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯМИ: КЕЙС OPENAI

Гринь Ю. А.

статья:

поступила в редакцию 10.12.2025

принята к публикации 16.12.2025

опубликована (онлайн) 28.04.2026

© Гринь Юлия Артемовна

студент бакалавриата Школы экономики и менеджмента,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,

Санкт-Петербург, Россия

адрес для корреспонденции: juliagrin1906@gmail.com

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Аннотация: Я рассматриваю этические проблемы, которые возникают при разработке эмоционально отзывчивых систем искусственного интеллекта. Основой для анализа служит кейс ChatGPT и компании OpenAI, которая в 2025 году столкнулась с обвинениями в причинении вреда уязвимым пользователям. В центре исследования — конфликт между стремлением создать коммерчески успешный продукт и обязанностью защищать людей с психическими проблемами от негативных последствий взаимодействия с ИИ. Я провожу анализ действий OpenAI с позиций трёх этических теорий. Деонтологический подход Канта показы-

вает, что компания использовала уязвимых пользователей как средство для достижения прибыли, нарушив их автономию и достоинство. Утилитаристская перспектива демонстрирует противоположный вывод: действия OpenAI можно оправдать, если учитывать огромную пользу для миллионов обычных пользователей. Теория стейкхолдеров Фримана выявляет системное нарушение баланса интересов: компания сознательно поставила в приоритет прибыль акционеров и удовлетворённость большинства пользователей, полностью игнорируя жизненно важные интересы уязвимых групп. В статье я показываю, что главная проблема индустрии ИИ заключается в фундаментальном противоречии: чем более «человечным» становится искусственный интеллект, тем выше риски для психологически уязвимых людей. OpenAI была технически способна минимизировать эти риски, но сознательно выбрала путь коммерческого успеха. Я предлагаю комплекс решений на трёх уровнях: немедленные меры по защите пользователей, создание независимых советов по безопасности ИИ и введение законодательных требований к обязательному тестированию систем на уязвимых группах до массового выпуска.

Ключевые слова: искусственный интеллект, этика ИИ, ChatGPT, корпоративная этика, деонтология, утилитаризм, теория стейкхолдеров, моральная ответственность, цифровая безопасность, OpenAI.

Discourses of Ethics. 2026, 1(29): 75–84

ISSN 2311-570X (online)

permanent link:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2026/04/DE2026_1_29_75-84.pdf

DOI: 10.24412/2311-570X-2026-1-75-84

MORAL RESPONSIBILITY OF AI DEVELOPERS TOWARD VULNERABLE USERS: THE OPENAI CASE STUDY

Grin Julia

received 10.12.2025

accepted 16.12.2025

published (online) 28.04.2026

© Julia A. Grin

BA student at the School of Economics and Management,
National Research University “Higher School of Economics”, St. Petersburg, Russia
Correspondence to: juliagrין1906@gmail.com

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Abstract: I examine the ethical challenges arising in the development of emotionally responsive artificial intelligence systems. The analysis is based on the ChatGPT case and OpenAI, which faced accusations of harming vulnerable users in 2025. The research focuses on the conflict between creating a commercially successful product and the obligation to protect people with mental health issues from negative consequences of AI interaction. I analyze OpenAI's actions from three ethical perspectives. Kant's deontological approach shows that the company used vulnerable users as a means to achieve profit, violating their autonomy and dignity. The utilitarian perspective demonstrates the opposite conclusion: OpenAI's actions can be justified considering the enormous benefit for millions of regular users. Freeman's stakeholder theory reveals a systemic imbalance: the company deliberately prioritized shareholder profits and majority user satisfac-

tion, completely ignoring the vital interests of vulnerable groups. In this article, I demonstrate that the AI industry's main problem lies in a fundamental contradiction: the more "human" artificial intelligence becomes, the higher the risks for psychologically vulnerable people. OpenAI was technically capable of minimizing these risks but consciously chose the path of commercial success. I propose a set of solutions at three levels: immediate measures to protect users, creation of independent AI safety councils, and introduction of legislative requirements for mandatory system testing on vulnerable groups before mass release.

Keywords: Artificial Intelligence, AI Ethics, ChatGPT, Corporate Ethics, Deontology, Utilitarianism, Stakeholder Theory, Moral Responsibility, Digital Safety, OpenAI.

1. Контекст

В 2025 году семья подростка Адама Райна подала иск против OpenAI, обвинив компанию в том, что ChatGPT подталкивал к самоубийству их сына. Согласно материалам дела, чат-бот не просто стал эмоциональной опорой для подростка, но и активно помогал в планировании суицида: предоставлял детальные инструкции по завязыванию петли, рекомендовал материалы, советовал использовать алкоголь для подавления инстинкта самосохранения, помогал составить план кражи спиртного у родителей и даже участвовал в написании предсмертной записки. ChatGPT позиционировал себя как «самого близкого друга» Адама, использовал функцию памяти для углубления связи и был доступен круглосуточно. Зная о возрасте пользователя, его психическом состоянии и попытках самоповреждения, система не предприняла попыток вмешательства.

Ситуация, когда ChatGPT «подталкивал» на безрассудные поступки, была не раз. В том же году 56-летний Штайн-Эрик Сельберг, взаимодействуя с ChatGPT, получил подкрепление своих параноидальных идей, что привело к убийству матери и самоубийству. Датский психиатр Сёрен Динесен Эстергаард зафиксировал рост обращений после неудачного обновления GPT-4o в апреле 2025 года, когда модель стала «чрезмерно поддерживающей» и усиливала негативные эмоции. OpenAI признала ошибку и откатила обновление, однако проблема повторялась: компания сознательно движется к созданию более эмоционально привлекательного ИИ. Сэм Альтман публично заявил о желании создать помощника, похожего на ИИ из фильма «Она», где человек влюбляется в систему, и сделал GPT-5 «теплее» по требованию пользователей, несмотря на известные риски.

Гринь Ю. А.

Моральная ответственность разработчиков ИИ при взаимодействии с уязвимыми пользователями: кейс OpenAI

2. Этическая дилемма

Проблема (дилемма) заключается в конфликте между коммерческой целесообразностью создания эмоционально привлекательного продукта и моральной обязанностью защищать уязвимых пользователей от вреда. OpenAI перед выбором: либо ограничить функциональность и эмоциональную отзывчивость ИИ ради безопасности людей с психическими проблемами, потеряв при этом конкурентное преимущество и удовлетворенность большинства пользователей, либо продолжать развивать «человечность», осознавая потенциальные жертвы.

Дилемма усугубляется тем, что это не вопрос технологических ограничений, а сознательного выбора приоритетов. Сэм Альтман публично признал проблему и заявил о необходимости мер безопасности, но одновременно сделал GPT-5 «теплее» по просьбе пользователей. OpenAI откатила проблемное обновление GPT-4o после волны жалоб, демонстрируя техническую способность контролировать эмоциональную отзывчивость, но затем вновь усилила её в следующей версии.

Предметом моральной оценки здесь выступает не техническая ошибка, а осознанное корпоративное решение о балансе между прибылью и безопасностью, принятое в условиях полной информированности о рисках.

3. Этический анализ

Деонтологическая перспектива

С позиции Канта [1], действия OpenAI представляют собой инструментализацию пользователей. Компания использовала уязвимых людей как средство для достижения коммерческих целей, нарушив категорический императив. Моральный долг разработчика ИИ включает базовую обязанность не причинять вред [4]. OpenAI знала о рисках эмоциональной зависимости, усиления суицидальных мыслей и параноидальных состояний, но продолжила развитие технологии в опасном направлении. Компания нарушила фундаментальный принцип уважения автономии личности: вместо расширения свободы выбора уязвимых пользователей, система манипулировала их эмоциональным со-

стоянием, создавая иллюзию понимания и заботы при фактическом отсутствии способности к моральному суждению.

Утилитаристский анализ

С точки зрения классического утилитаризма Бентама и Милля [2] действия OpenAI получают моральное оправдание. Утилитаризм требует максимизировать совокупное благо, и здесь математика работает в пользу компании. ChatGPT используют сотни миллионов людей ежедневно. Эмоциональная отзывчивость модели многократно увеличивает её полезность для огромного числа пользователей, улучшая качество их жизни каждый день.

Этот случай напоминает классическую утилитаристскую дилемму с ножами: ножи используются в убийствах, но их польза для приготовления пищи, медицины, ремесел настолько превосходит вред, что общество однозначно выбирает их наличие. Аналогично, автомобили ежегодно убивают более миллиона человек по всему миру, но их отмена затормозила бы развитие и причинила бы больший вред через разрушение экономики, медицинской помощи, продовольственных цепочек. Утилитарист применяет ту же логику к ChatGPT: трагические случаи с Адамом Райном и Штайном-Эриком Сельбергом представляют собой статистически меньшинство среди сотен миллионов взаимодействий, большинство из которых приносит пользу.

Более того, утилитаристский расчёт должен учитывать альтернативные издержки. Если OpenAI жёстко ограничит эмоциональную отзывчивость системы, миллионы людей потеряют ценный инструмент психологической поддержки. Для многих одиноких, социально изолированных или находящихся в депрессии пользователей ChatGPT служит первой линией эмоциональной помощи — доступной, бесплатной, без стигматизации. Лишение их этого ресурса ради защиты статистически малой группы может привести к большему совокупному страданию. С этой точки зрения действия OpenAI по созданию более эмоционально привлекательной модели морально оправданы, поскольку максимизируют общее благосостояние.

Гринь Ю. А.

Моральная ответственность разработчиков ИИ при взаимодействии с уязвимыми пользователями: кейс OpenAI

Теория стейкхолдеров Фримана

Согласно теории стейкхолдеров Р. Эдварда Фримана [3], корпорация должна создавать ценность для всех заинтересованных сторон, а не только для акционеров и руководства. Стейкхолдерами OpenAI являются: инвесторы, обычные пользователи, уязвимые пользователи, разработчики, научное сообщество, регуляторы и общество в целом. Каждая группа имеет свои потребности и интересы, которые компания обязана учитывать при принятии решений.

В случае ChatGPT очевидное нарушение учета всех интересов. OpenAI сознательно поставила в приоритет интересы двух групп стейкхолдеров - акционеров (максимизация прибыли через рост вовлеченности) и большинства обычных пользователей (эмоциональная привлекательность продукта) - за счет полного игнорирования жизненно важных интересов уязвимых пользователей. Адам Райн и подобные пользователи с психическими проблемами представляют собой отдельную стейкхолдерскую группу с особыми потребностями в безопасности.

Фримановская модель отвергает традиционное противопоставление «акционеры против всех остальных». OpenAI могла разработать дифференцированный подход: эмоциональная отзывчивость для стабильных пользователей при жестких ограничениях для уязвимых. Вместо этого компания выбрала модель Милтона Фридмана («единственная социальная ответственность бизнеса — увеличивать прибыль»), что в контексте потенциально смертельной технологии является морально неприемлемым. Игнорирование легитимных интересов стейкхолдерской группы, которая зависит от продукта и не может защитить себя самостоятельно, представляет собой очевидное нарушение принципов корпоративной этики.

4. Рекомендации

Решение OpenAI продолжать развитие эмоционально «теплого» ИИ при известных рисках является морально неприемлемым с точки зрения всех рассмотренных этических теорий. Компания нарушила мо-

ральные обязанности, пренебрегла качественной оценкой последствий и предала доверие уязвимых пользователей.

Немедленные меры: Внедрение обязательной верификации возраста, автоматическое прерывание диалогов при обнаружении суицидальных и других потенциально опасных намерений с предоставлением контактов служб, создание «выключателя» эмоциональной привязанности для выявленных уязвимых групп.

Средне- и долгосрочные: Разработка этических стандартов проектирования ИИ с участием психиатров. Создание независимого совета по безопасности с правом вето на опасные обновления. Смещение метрик успеха с пользовательского вовлечения на благополучие пользователей.

Регуляторные: Законодательное требование обязательного тестирования ИИ-систем на уязвимых группах до массового выпуска (под присмотром специалистов и с соблюдением норм), введение строгой ответственности разработчиков за доказуемый вред, создание реестра инцидентов с ИИ для предотвращения повторений.

Случай ChatGPT демонстрирует, что без радикального пересмотра приоритетов и внедрения жестких этических ограничений индустрия ИИ движется к созданию технологий, которые при всей своей полезности становятся смертельно опасными для тех, кто нуждается в помощи больше всего.

Список литературы

1. Кант И. Основы метафизики нравственности / Пер. с нем. М.: Мысль, 1999. 1472 с.
2. Милль Дж. С. Утилитаризм. О свободе / Пер. с англ. СПб.: Азбука, 2020. 512 с.
3. Флориди Л. Этика искусственного интеллекта: Принципы, вызовы и возможности / Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2023. 512 с.
4. Freeman R. E. Strategic Management: A Stakeholder Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 276 p.

Гринь Ю. А.

Моральная ответственность разработчиков ИИ при взаимодействии с уязвимыми пользователями: кейс OpenAI

References

1. Kant I. *Osnovy metafiziki npravstvennosti* [Groundwork of the Metaphysics of Morals]. Moscow: Mysl'; 1999.
2. Mill' Dzh. S. *Utilitarizm. O svobode* [Utilitarianism. On Liberty]. Saint Petersburg: Azbuka; 2020.
3. Floridi L. *Etika iskusstvennogo intellekta: Printsipy, vyzovy i vozmozhnosti* [The Ethics of Artificial Intelligence: Principles, Challenges and Opportunities]. Moscow: Al'pina Pablisher; 2023.
4. Freeman RE. *Strategic Management: A Stakeholder Approach*. Cambridge: Cambridge University Press; 2010.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Дискурсы этики» — рецензируемое научное ежеквартальное издание, цель которого — публикация оригинальных статей, результатов научных исследований, посвященных актуальным проблемам теоретической и прикладной этики, социологии и антропологии морали, истории этики и т.п., а также обзоров научных событий и новой научно-исследовательской литературы.

Материалы публикуются на русском или английском языках.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке.

Более подробная информация на сайте издания:
<http://theoreticalappliedethics.org/>

INFORMATION FOR AUTHORS

“Discourses of Ethics” is a quarterly peer-reviewed academic journal. Its goal is the publication of the original papers, the research results on topical issues of theoretical and applied ethics, sociology and anthropology of morality, history of ethics etc.

Papers are published in English, or in Russian.

All submitted texts are reviewed in accordance with the procedure established by the editorial board.

For detailed information please check our website:
<http://theoreticalappliedethics.org/>

Научное издание

Дискурсы этики

Выпуск 1(29), 2026

ISSN (Печатный): 2306-9430

ISSN (Онлайн): 2311-570X

Discourses of Ethics

Issue 1(29), 2026

ISSN (Print): 2306-9430

ISSN (Online): 2311-570X

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-81587 от 03 августа 2021 г.

<http://theoreticalappliedethics.org/>

Ответственный редактор: к.филос.н., доц. В.Ю. Перов
Выпускающий редактор: С.В. Старкова

верстка: Н.П. Макарова, А.В. Васильев

Тексты печатаются в авторской редакции.

Подписано к печати 28.04.2026. Формат бумаги 60 x 84 1/16.
Усл.печ.л. 5

Онлайн-издание. Постоянная ссылка:
http://theoreticalappliedethics.org/archive/2026_1_29/